

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ С ПАНАЕВОЙ

Италия – Россия

Ирина Чайковская
Путешествие с Панаевой

«Алетейя»

Чайковская И.

Путешествие с Панаевой / И. Чайковская — «Алетейя»,
— (Италия – Россия)

ISBN 978-5-907189-71-3

Повесть «Путешествие с Панаевой», давшая название всей книге, – о любви. О любви к женщине, ребенку, стране. Книга Ирины Чайковской посвящена Италии, где писательница прожила семь лет. В ней много запоминающихся героев-итальянцев – это и стойкая к невзгодам крестьянка Лючия, и мудрый и человечный священник Дон Агостино, и замечательный врач Алессандро Милиотти. Но везде: в повестях, и в рассказах, и в эссе – можно услышать авторский голос, заметить тот самый «взгляд из России», который создает особую ауру этой книги.

ISBN 978-5-907189-71-3

© Чайковская И.

© Алетейя

Содержание

Несколько слов о книге Ирины Чайковской	5
Предисловие автора	7
Рассказы	9
Лючия	9
Мечта о крыжовнике	18
In chiesa!	31
Печальный демон	36
Идиомы	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Чайковская И. И. Путешествие с Панаевой

Несколько слов о книге Ирины Чайковской

С Италией у нас все хорошо – и было и осталось. «Вечная весна», если говорить о культуре, не о политике. Гоголь в Риме, Александр Блок в Равенне и Сполето, «Завтра увижу я башни Ливурны, / Завтра увижу элизий земной!» – ликует неулыбчивый Евгений Баратынский. Таков избранный жанр – в нем фантазия подчиняет себе имитацию, настаивает на зыбкости всяческих канонов.

Героинь этой книги зовут по-разному, но общий абрис их схож и изящен – подобно грациям в саду на картине Боттичелли «Примавера», по-итальянски «Весна». И те же голубые, сияющие проблески фона, тот же от века данный итальянский антураж: городки на холмах, из них каждый не моложе XV века, церковь, море, пинии, фрукты, в воздухе разлитое любовное томление... Оно же – в душах участников действия, порой, и у его созерцателей. И то, и другое, и третье благодатно вписывается в пейзаж, живые фигурки застывают стаффажем, лирическая фабула невольно обретает черты очерка. Получаются «рассказы не о любви».

Это-то в них и есть самое интересное. Ибо все в них танцует от любви – как от печки. Иначе автор не может, иного и не дано ее героям в подобных обстоятельствах – снежным феям под южным солнышком, тем, кому «на морозе Флоренцией пахнет вдруг». Всякий раз, уводя читателя куда-то в сторону от собственно любовной истории или неожиданно обрывая ее, Ирина Чайковская показывает строй чувств, неуничтожимый под воздействием тех или иных коллизий. Так что все ее сюжетные ходы и тропинки, выводя нас на обрыв, заставляют обернуться, бросить прощальный и пристальный взгляд на то, что минуту назад вроде бы растаяло как мираж.

Идиллия в отечественной традиции неизменно несет в себе черты антиидиллии, все мы знаем, к какой цели приплыл Баратынский на своем пироскафе, и что написал Блок о Флоренции: «Я в час любви тебя забуду, / В час смерти буду не с тобой!» «Лазоревая урна» Баратынского становится одновременно и морским простором и вместилищем праха.

Освобождаются или спасаются персонажи Ирины Чайковской, стремясь из России, затем и из Италии все дальше на Запад, а там и за океан, вот в чем сюжетная тайна ее книги, тайна, о которой сами герои предпочитают не говорить, может быть, бессознательно. Прошлое для них – приятный или неприятный, но груз. Все они показаны как люди, открытые будущей жизни. Вопрос только в том, начнется ли она когда-нибудь?

У Чехова в рассказе «Крыжовник» запечатлена история о тоске чиновника по привольной деревенской жизни, зеленой травке, уточках в пруду, лавочке у ворот, собственной усадьбе с садом, где он вырастит отменный крыжовник... Все сбылось, крыжовник вырос, и чиновник, поедая его, все приговаривает, какой он вкусный. На самом деле, замечает рассказчик, «было жестко и кисло».

Чеховская традиция в культуре Запада вот уже сто лет – самая устойчивая из всех, принятых от русской литературы. Может быть, даже более устойчивая, чем в самой России.

Нет поэтому особенной загадки в том, что Ирина Чайковская, подобно нашему классику, предпочитает в литературе жанры рассказа и пьесы. Врожденная потребность в диалоге с собой и миром, как это чувствуется по авторской манере повествования, счастливым образом этой традиции соприродна. Ирина Чайковская, уповая на перекрестное опыление, просто не могла не соблазниться написать рассказ о крыжовнике. Даром, что ее герой – итальянец – о реальном крыжовнике вообще никакого представления не имеет. Тем ярче его мечта! Мечта

человека, сочувствующего, в отличие от чеховского рассказчика, несчастному чиновнику. Как и у Чехова, повествователь у Чайковской – врач. Но его крыжовник не подводит, оставаясь до конца символом «покоя и воли», символом, раскрывшим себя в видении о кустах, усыпанных крупными, невиданными в Италии ягодами под майским солнцем. Смеется ли над этим майским, абсурдным в русских обстоятельствах весенним урожаем автор, таков ли на самом деле райский климат, в котором обитают ее герои, или все это иносказание о людях, живущих по любви, Ирина Чайковская не отвечает. Потому что настоящее произведение искусства держится встречным веянием, односторонние пути направлены в нем лишь к пункту, называемому тупик. Вырвавшись из одного тупика, в другой Ирина Чайковская, будем надеяться, уже не попадет.

Андрей Арьев

Предисловие автора

Рассказы об Италии я начала писать, оказавшись в Америке. Было это в год Миллениума, первый мой опыт американской жизни пришелся на центр мормонов Солт-Лейк-Сити, и было мне там нехорошо. Поистине я переживала не столько культурный, сколько психологический шок.

Нужно было спастись. И единственным спасением стало писание рассказов об Италии. На расстоянии эта страна предстала передо мной как сгусток красоты и человечности. Я осознавала, что судьба преподнесла моей семье подарок, дав возможность увидеть эту красоту и оказаться среди этих людей. Жизнь в Италии была трудной. Мы жили вчетвером на крохотный грант, вокруг не было русскоязычной среды, будущее оставалось неопределенным, и все равно это было счастье.

Первый написанный мною рассказ «In Chiesa» («В церкви») был и вообще первым рассказом в моей жизни. До того я писала пьесы и повести. Рассказ сложился словно по волшебству, без всяких усилий, легко и просто выйдя на поверхность в полном снаряжении – как Афина из головы Зевса... Помню, несказанно обрадовавшись его появлению, я послала его на радио «Свобода», которое тогда постоянно слушала. Мне очень хотелось, чтобы рассказ был прочитан по радио голосом Сергея Юрьенена. Оттуда пришел ответ, где говорилось, что содержание рассказа нереально: в доме католического священника не может жить молодая женщина. Что было на это ответить? Я писала «с натуры», но, видимо, на «Свободе» знали все лучше меня. Кстати, позже, общаясь с известной скрипачкой Ниной Бейлиной, я узнала, что и она вместе с сыном жила в Италии в доме католического «прэте».

Появление других «итальянских» рассказов было обусловлено разными причинами, в частности моим желанием рассказать о необыкновенных личностях, встреченных нами в Италии. Так появились «Лючия» и «Мечта о крыжовнике». Их герои – Лючия, простая итальянка, крестьянских корней, и влюбленный в Чехова, похожий на русского земского врача доктор Алессандро Милиотти – списаны с реальных людей. Так случилось, что в Италии мы встретили «праведников». И это не пустые слова. Доктор Сандро Тотти после смерти признан «блаженным», его именем названа улица. А Лидия Г. осталась в памяти горожан как человек необычайной доброты и стойкости... Образ католического священника также навеян реальными впечатлениями. Дон Паоло. Он стал нашим другом, он помогал нам осваивать жизнь в чужой стране. Два раза он ездил с нами в Россию – и мы видели, как пришлась она ему по душе, несмотря на бедность и запустение 1990-х, времени, когда он ее видел.

В Италии я преподавала русский язык, у меня было много учеников, и каждый – своеобразная личность, со своей загадкой. О них я рассказала в записках «Мои итальянские ученики».

В книге вы найдете и две повести, они связаны для меня с сильными и глубокими переживаниями. Писание повести «Путешествие с Панаевой» совмещалось с моей исследовательской работой – я изучала биографию Авдотьи Панаевой, невенчанной спутницы поэта Николая Некрасова, с целью написать о ней большую статью. Отсюда – и сюжет повести, в котором Панаева играет, хотя и подсобную, но особую роль.

Повесть «Путешествие в ...» писалась в Италии, она насквозь автобиографична, вплоть до сохранения имен, в ней есть, как говорил Пушкин, «стихи моего сердца». Впрочем, должна сказать, что все итальянские сюжеты прошли через сердце...

Италия – особое место для русского сознания. Живя в Советском Союзе, никогда не думала, что увижу эту волшебную страну и даже проживу в ней семь лет. Не были эти семь итальянских лет сплошной сказкой, но все трудности и горести скрашивались аурой красоты и

добра, создававшей вокруг нас своеобразный щит. Нам повезло быть защищенными – красотой и добром!

Оставляю читателей наедине с книгой и верю, что, если они еще не влюблены в Италию и итальянцев, она поможет им в этом.

Ирина Чайковская, февраль 2019, Б. Вашингтон

Рассказы

Лючия

Жарко было, нестерпимо жарко. Духота, не освежаемая ветерком. Гриша, сидевший в майке на своей кровати, начал плакать, повторяя одно и то же:

– Мне жарко, мне жарко, мне...

– Хватит, – прикрикнула на него Алла, – пошли, – и она подтолкнула его к двери. Они вышли на безлюдную улицу. Вообще эта улица не была безлюдной, как раз наоборот, здесь обосновалась банкарелла, итальянский базар, она была шумной и многолюдной, но не в этот час. В этот час – было три пополудни – на ней никого не было, складные торговые палатки разобрали, на раскаленном асфальте валялся разнообразный бан-карельский сор. Шло время раннего помериджо, когда люди или отдыхают, подставив темя освежающему вентилятору, или спят лицом к прохладной стене.

Алла тянула маленького Гришу, пот застилал глаза, солнце слепило, укрыться от него на улице, зажатой с обеих сторон каменными домами, было негде. Они свернули направо и стали подниматься в гору, здесь была тень, за забором с двух сторон росли пинии и ярко-зеленый глянцевоый кустарник. Можно было перевести дух. Наконец начался очень крутой подъем – Алла поднялась в горку по ступенькам, а Гриша вбежал на нее отвесно, и они достигли каменных ворот, закрытых на щеколду. Воздух стал заметно свежее и влажнее, ощущалось близкое присутствие моря. Его не было отсюда видно, но оно расстилалось внизу, за Campo degli ebrei, еврейским кладбищем, которое начиналось сразу за каменной оградой дома, куда они пришли. Алла отодвинула щеколду, и они вошли во дворик.

Алла огляделась. Хозяйки не было, все остальное было на привычных местах. Возле дома на протянутой веревке висело белье, дряхлая Лесси приветствовала их с Гришей бессильным жидким лаем. Гриша подбежал к собаке, а Алла села за каменный стол возле дома. Здесь было даже прохладно. Стол стоял в тени, да и с моря дул бриз. Алла закрыла глаза и просидела так несколько секунд, блаженно, ни о чем не думая. Внизу, с подножья взгорка, слышалось тарахтенье машины. Это Лючия на новом «фиате» совершала свой ежедневный подъем к дому. В который раз Алла подумала, что Лючия не чета ей – *molto brava* – не боится ни крутого подъема, ни жизненных передраг. Одинока, но всегда окружена людьми, вечно всем помогает – вот и дом этот после своей смерти завещала пожилым, уже не способным работать священникам, не имеющим ни семьи, ни угла. Как ей это удастся? Ведь старая, не слишком образованная, мало что видела. А внутри – покой, незыблемость, то, что сама она на своем незамысловатом итальянском называет «*serenità*», такого слова и нет на русском – разве что «солнечность»...

В калитку входила Лючия с большой пластиковой сумкой в руках, она приветливо кивнула Алле, устало подошла к столу, поставила на него сумку, тяжело присела на лавку. Алла знала, что после обеда Лючия – церковная активистка – развозит продукты по бедным семьям. Откуда берутся силы на такое в несусветную полдненную жару? Немного передохнув, Лючия вытянула из сумки перевязанный веревочкой пакет и направилась к Грише, сидящему на корточках рядом с собакой.

– Эй, джованотто, смотри, что я тебе принесла!

– Чикита?

– Чикита. Ну ты и догадлив!

Оба захохотали. Связка «чикиты» – особого сорта эквадорских бананов – была постоянным Лючиным подарком для Гриши. Сама она их не ела, считала «ребячьим угощением», да и вообще не тратила на себя ни одного лишнего сольдо. Алла подумала, что, если бы не

Лючия, Гришуна вряд ли бы лакомился дорогими бананами. Она понимала, что они с Гришей пришли не вовремя, Лючия должна сейчас по своему расписанию часика два поспать, чтобы потом снова неумолимо приняться за дела... но жара – что Алла могла поделаться с этой жарой? Выдержать ее в их с Гришей жилище под самой крышей было свыше сил.

– Гришуна прямо плавился, – оправдывала себя Алла, глядя в немного настороженное, хотя и приветливое лицо Лючии, которая снова села с нею рядом. – Мы ненадолго, Лючия, я подумала, что сейчас могла бы записать твои рассказы.

– Рассказы? Да ты уже сто раз их слышала. Это про то, как еврейский Савл стал апостолом Павлом?

– Совсем нет, Лючия, не про Савла-Павла, а про тебя. Расскажи по порядку, как родилась в Кастельфидардо, как росла без отца, как работала с матерью по чужим семьям, как в войну стала медсестрой, как выиграла в лотерею и купила этот дом рядом с Campo degli ebrei...

– Погоди, погоди, да ты вон уже все знаешь. Я же вам с джованотто – Лючия указала на Гришу, который лениво раскрывал банан, – уже сто раз рассказывала – и про лотерейный билет, и про дом, и про свое замужество...

– Про замужество? Про замужество я хоть и слышала, но не все запомнила, надо бы записать, – Алла вытаскивала из сумки заготовленный лист бумаги и ручку.

Лючия начала привычный рассказ, Алла пыталась в него вслушаться, но что-то ей мешало. Параллельно голосу Лючии звучал какой-то другой, рассказывающий ту же историю, но по-иному. К тому же Лючия говорила на местном анконитанском диалекте, многие слова которого Алле были просто не понятны. Она оставляла на листе зияющие пробелы, в надежде когда-нибудь их заполнить.

Хотя кому и когда это может понадобиться? Пригодится ли ей, Алле, в ее другой жизни, что когда-нибудь да начнется, история замужества малограмотной старой итальянки из глухой итальянской провинции? Ответа она не знала. Записывала, потому что нужно было хоть как-то оправдать их с Гришей неурочное появление у Лючии в нестерпимо знойный час итальянского помериджо.

Лючия вышла замуж неожиданно – и для себя, и для своих товарок-медсестер, с которыми вместе работала в больнице. Как это ни печально, но ее замужество совпало с трауром по матери, умершей незадолго до того. Была Лючия смолоду скрытна, не очень многословна, дичилась проказливых игривых подруг, которые, однако, именно ей любили поверять свои сердечные тайны. Была в ней какая-то скрытая невидимая сила, выделяющая ее из прочих. Рослая, очень прямая, с серьезным, даже немного суровым выражением лица, она смотрелась намного старше своих ровесниц. Мало кто с первого раза угадывал в строгом взгляде карих Лючиных глаз спрятанные в них доброту и искринки смеха. Окружающим казалась она слегка блаженной, да и история с выигранным лотерейным билетом сделала ее почти легендарной личностью. История была такая. Знакомая медсестра предложила Лючии поучаствовать во все-итальянской лотерее, объявленной в газете. Лючия, поколебавшись – она не любила подобных затей, – все же согласилась и продиктовала той свою цифровую комбинацию. Потом она об этом забыла и вспомнила, когда уже лотерея прошла. Случайно на обрывке старой газеты прочла она набор цифр, выигравших крупную сумму. Не сразу до нее дошло, что именно ее билет оказался выигранным. Когда же пришло осознание, головы она не потеряла. Сумма была большая. На ее часть она купила себе с матерью дом на границе с Campo degli ebrei, давно хотелось ей жить около моря. Оставшиеся деньги потратила, заказав места на кладбище для себя, матери и всех своих еще живущих родственников. Так она стала «невестой с приданым» – все же свой дом для Италии не шутка. Но прилива женихов не наблюдалось. Как-то стояла она возле банкарельного лотка, перебирая текстильную мелочь. Неожиданно над ее головой раздался мужской негромкий голос:

– Что синьорина ищет в этой куче? Уж не жемчужное ли зернышко?

Она подняла глаза и в двух шагах от себя увидела довольно высокого, плотного человека с уже седеющей головой. Видно, ему стало неловко за незлую насмешку, прозвучавшую в вопросе, он закашлялся. А Лючия тем временем раздумывала, нужно ли его «срезать», что она обычно делала в таких случаях, или стоит подождать продолжения и промолчать. Она промолчала. Незнакомец, оправившись от кашля, продолжал:

– Пожалуйста, не принимайте меня за назойливого нахала, но можно оторвать вас на пару минут от этого барахла?

Лючия ни жива ни мертва отошла в сторонку от толпы, окружавшей лоток. Ее сознание фиксировало, что соседей и домашних поблизости нет, но банкарельщик, как ей показалось, на нее покосился. Незнакомец подходил к ней, смущенно потирая переносицу.

– Синьорина, открою вам свои карты. Я вдовец, у меня трое совсем взрослых детей. Вы мне понравились.

В этом месте Лючия недоверчиво на него взглянула. Ей шел сорок четвертый год. Никогда не была она красавицей, женское кокетство было ей не свойственно. В то же время мать бесконечно ей твердила, что все мужчины хотят от женщин лишь одного, что дурят бедняжкам голову разными прельстительными обманными словами и что нужно быть начеку и уметь обороняться. Лючия сжалась в комок. А незнакомец, поймав ее взгляд и как-то по-своему его истолковав, продолжал:

– Да, синьорина, я понимаю, что староват для вас. Но я здоров, у меня неплохая работа, я работаю в полиции, и есть свой дом.

Лючия перевела дыхание. Никогда до этого ни один мужчина не объяснялся ей в любви, она даже не предполагала, что может кому-то понравиться. В последнее время мать чувствовала себя неважно и частенько заводила разговор о необходимости замужества для Лючии. Обычно она связывала этот предмет со своим скорым уходом и с домом, которым теперь владела дочь. На дом, мол, женихи найдутся. Но вот, у этого есть свой дом, но он все равно подошел к ней, к Лючии, значит, что же – действительно она ему понравилась? Лючия так глубоко задумалась, что пришла в себя лишь когда поняла, что уже несколько минут они оба молчат. Он стоит и ждет от нее ответа, причем взгляд у него довольно жалкий и растерянный. Вспомнив, как в таких случаях вели себя ее товарки, Лючия быстро достала из сумки записную книжку, вырвала из нее листок и записала на нем свой домашний телефон. На этом они распрощались. Только когда незнакомец скрылся из виду, Лючия подумала, что не знает его имени.

Он позвонил в неудачный день. В день, когда матери Лючии стало совсем худо. К вечеру она умерла. Лючия даже не смогла подойти к телефону, соседка Антония шепнула ей, что звонил какой-то Джакомо Джакометти, спрашивал «синьорину» Лючию. По этой-то «синьорине» Лючия легко догадалась, кто такой этот Джакомо Джакометти.

В день похорон матери, 24 апреля, Лючия видела Джакомо в толпе возле дома. Он поклонился ей издали, в руке он держал маленький букетик весенних фиалок. Лючия так и не поняла, для кого предназначались эти цветы, для нее или для умершей матери. На кладбище, куда ехали на специальном автобусе, Джакомо она уже не видела. Кладбище располагалось за городом, в долине. Запах влажной, уже пробудившейся от зимнего оцепенения земли ударял в голову. Огромное, залитое солнечным светом, но мрачноватое кладбище было пустынно. Гроб с телом матери поставили на второй этаж каменного склепа, третий этаж предназначался для самой Лючии и родственников.

Вернувшись после похорон в пустое жилище, Лючия бросилась в одежде на кровать и долго, в голос, рыдала. Ей не нравилось место, где она оставила мать, было оно неприглядным и страшным, и ей не хотелось со временем улечься в нишу на третьем этаже мрачного склепа. Как мало осталось жизни, как много уже прожито, но ничего, ничего из прожитого не хотелось ни вспоминать, ни длить в памяти, – ничто не давало чувства радости или хотя бы светлой грусти. Разве что – Лючия чуть умерила рыдания – разве что маленький букетик фиалок в

руках у полужнакомого мужчины. Почему он, этот Джакомо Джакометти, не подошел к ней, кому предназначались его цветы? Лючия так и заснула не раздеваясь, с этим странным вопросом в голове.

Прошло чуть больше месяца – Джакомо не появлялся. Лючия и рада бы была не думать о нем, да не шел он у нее из головы. Впервые за всю ее жизнь встретился ей человек, которого трудно было бы назвать «пустозвоном» или «шалопаем» – так ее мать определяла всех без разбору холостых мужчин. К тому же Лючии понравились его голос и повадка. Временами – Святая Мадонна! – ей даже чудилось, что обними ее такой вот, как Джакомо, и не было бы в этом стыда и непотребства. Ощущение стыда и непотребства возникало у нее всякий раз, когда к ней прикасались грубые мужские руки. Было это всего два раза в ее жизни, незадолго до встречи с Джакомо, когда мать, обеспокоенная одиночеством дочери, присматривала ей в церкви «кавалера». Первый раз это был тридцатилетний смазливый парень без определенных занятий, но с ворохом богобоязненных родственников – клан занимал целую скамью в церкви, во втором ряду, напротив самой кафедры дона Паскуале. По словам семьи, парень был фармацевтом, но то ли не доучился, то ли заучился, понять было трудно. В течение многих лет его родственники громко заявляли, что «Артуро учится на фармацевта». Параллельно с обучением Артуро вел довольно свободный образ жизни, однако каждое воскресенье неизменно появлялся на мессе к великой радости семейного клана. В одно из мартовских воскресений мать Лючии шепнула тетке парня, Клаудии, что Лючия слегка прихворнула, и неплохо было бы, если бы Артуро посоветовал ей какое-нибудь снадобье от ее хвори. Тетка пошептала с Анжелой, матерью Артуро, обе решили, что в следующее воскресенье после мессы Артуро может прийти на обед в дом Лючии. Явился он точно к часу, Лючию неприятно кольнуло, что пришел он в дом с пустыми руками. Мать ей всегда твердила, что скупость – наихудший из пороков и что всегда можно найти дешевый пустяк, чтобы принести в чужой дом. Гость скользнул по Лючии невнимательным взглядом и тотчас поспешил к столу, уже накрытому к приходу гостя. Мать Лючии, насмотревшись за годы работы в богатых крестьянских домах на «светские приемы», постаралась в грязь лицом не ударить. Утром сходила она на рыбный рынок, купила недорого отличную красную рыбу-сальмоне и много креветок, в садике возле дома нарвала ранних специй-трав. Рыбу, обложенную травами, испекла в металлической фольге, креветки и эти же травы употребила для соуса к пасте. Соус гость выделил особо, ел он с превосходным аппетитом, попивал «Россо Конеро» – огромную его флягу привез за год до этого «полуродственник» из Монте Марчано, – похваливал кулинарное мастерство Лючиной матери. Лючии запомнилось, как он несколько раз повторил, что варвары завоевали Рим исключительно из зависти к разнообразным вкусным и полезным травам, произрастающим в Италии. Лючия сидела молча, ела мало, гость не обращал на нее ни малейшего внимания. О ее «хвори» речи не заходило, видно, семья Артуро верно поняла цели предстоящего визита. После обеда мать Лючии предложила «молодежи» погулять. Мартовское послеполуденное солнце припекало, но еще не жгло, сразу за домом начинались заросли, ведущие к Еврейскому кладбищу. Тут-то Артуро, ни слова не говоря, схватил Лючию за талию и попытался прижать к себе. Лючия почувствовала бесстыдные пальцы на своем теле, ее обдал тошнотворный запах выпитого вина и съеденной пищи, она с ужасом отпрянула и дико закричала; покрасневший и растерявшийся кавалер быстро ретировался. Лючия вернулась домой одна, мать внимательно на нее посмотрела и ни о чем не спросила.

Вечером мать Лючии, накинув на голову кружевную шаль, отправилась к священнику. Дон Паскуале жил на втором этаже приходской церкви. Мать Лючии застала его за подготовкой вечерней проповеди, на столе лежали раскрытая Библия, очки, листочки с выписками. Маленькая комнатка была темноватой и неудобной. Анна хорошо знала дона Паскуале, они родились в одном селе, Кастельфидардо, росли в соседних домах, по весне вместе с одноклассниками запускали воздушного змея – аквилоне. Паскуале тогда был ужасным непоседой и сорванцом,

Анна помнит, как однажды они с ним долго тянули змея, и тот летал высоко в небе, а потом Паскуале нарочно выпустил веревку, и они упали – Анна и Паскуале, – упали прямо друг на друга под гогот и шуточки одноклассников. Анна потом долго краснела, завидев Паскуале, а иногда даже пряталась от его, как ей казалось, назойливого взгляда. Так случилось, что отец Паскуале, сельский портной, отдал сына-подростка в духовную школу, что и определило его будущую судьбу одинокого бессемейного священника. Анна же очень рано вышла замуж за сына пекаря, рано овдовела, с маленькой дочкой на руках прислуживала в богатых семьях, лишь сейчас, на старости лет, зажила, «как матрона», в собственном (Лючиинном) доме. Каждый раз, видя дону Паскуале в церкви и слушая его проповеди, Анна начинала сомневаться, уж тот ли это сорванец Паскуале, с которым они когда-то по весне запускали аквилоне. Дон Паскуале с каждым годом становился все строже и молчаливее. Он был образцом священника, сделавшего служение пастве своим прямым делом. Только не было в нем больше ни прежнего озорства, ни веселья.

Выслушав сетования матери Лючии, что дочь не пристроена, что ей, Анне, горестно будет уходить, оставив Лючию одну-одинешеньку, дон Паскуале вздохнул. У него оставалось всего несколько минут до вечерней мессы, но из уважения к Анне он говорил неторопливо, с участием. Нет, он никого не знает, кто бы мог подойти Лючии. И в голову не приходит. Люди стали очень развращены – и старики, и молодежь. Артуро? Но это самый неподходящий кандидат, нигде не учится и не работает, слоняется по пиццериям и барам, его родители и рады бы сбить свое сокровище с рук, да Артуро вечно где-нибудь да нашкодит; он, дон Паскуале, уже устал от рыданий его бедняжки-матери. Нет, не видит он для Лючии достойного кандидата. Да и стоит ли ей, в ее уже немолодом возрасте, искать суженого? Не лучше ли остаться Христовой невестой? Дон Паскуале снова глубоко вздохнул и посмотрел куда-то поверх Анны. Там, над Анниной головой, висела старая черно-белая фотография – его молодые, счастливо улыбающиеся родители и он, длиннорукий и нескладный, словно чем-то озадаченный подросток перед воротами семинарии. Дон Паскуале поднялся, вежливо показывая, что аудиенция окончена, пора было на мессу. У дверей он замешкался, потом повернулся к Анне, и в темноте прямо перед собой она увидела его лицо. До этого он избегал ее взгляда. Анна ужаснулась, таким старым и безжизненным показалось ей лицо дону Паскуале, так мертвы были его глаза. Они вышли из темной, похожей на келью комнаты на лестницу, где и распрощались. Дон Паскуале направился вниз по лестнице в церковь, а Анна через входную дверь попала на разогретую за день, еще светлую улицу, на которой шумела говорливая и пестрая банкарелла.

Несмотря на неутешительные результаты визита к священнику, мать Лючии продолжала поиски жениха для дочери. Ее внимание привлек служивший когда-то в трибунале адвокат Джованни, который со старушкой-матерью не пропускал ни одной воскресной службы. Вызывало удивление, как трогательно он привязан к матери, как бережно ее поддерживает, идя с нею к полдневной мессе. Разговор с синьорой Витторией у Анны не получился, глухота и тяжелый склероз мешали той понимать обращенные к ней вопросы. Тогда Анна обратилась непосредственно к синьору Джованни, не хотели бы они с матерью провести пасхальное утро – в том году Пасха пришлась на 15 апреля – в их с Лючией доме за праздничным столом. Бывший адвокат слегка удивился предложению, но не отказался, а сказал, что подумает и непременно позвонит сегодня же вечером. Мать с Лючией ждали весь вечер обещанного звонка, но его не было. Позвонил он перед самой Пасхой, сказал, что матушка плохо себя чувствовала, поэтому он так задержался со звонком, и что они непременно придут в дом Лючии в пасхальное утро. Мать Лючии опять купила рыбу у знакомой торговки, снова нарвала в садике трав, вытащила огромную бутылку красного вина, привезенного из Монте Марчано молочным братом Лючии. Они ждали гостей все утро. Солнце играло на небе, с Еврейского кладбища раздавался женский смех, детские крики – сюда приезжали семьями на прогулку после праздничного застолья. Синьор Джованни с матерью появились только к вечеру, когда их уже не ждали.

В согнутой подрагивающей руке синьора Виттория несла коробку с маленькой коломбой – пасхальным куличом. Поздний обед проходил скучно. Бывший адвокат молчал, искоса поглядывая на Лючию. Его матушка задремывала за столом. После обеда старушки остались в доме, а «молодежь», по предложению Анны, вышла на прогулку. Стоял светлый вечер. Полосы красного заката опоясывали высокое небо, которое плавно спускалось к морю. Лючия остановилась возле яркого, усыпанного желтыми листьями-цветами кустарника джинестры, ее кавалер в напряженной позе встал рядом. Обрывая цветочные листики-лепестки, Лючия чувствовала на себе цепкий оценивающий взгляд. Внезапно Джованни с молодой резвостью подскочил к ней и схватил за обнаженный локоть. Это было так неожиданно, что она вскрикнула. Побледнев как полотно и ни слова не говоря, бывший адвокат направился к дому. Оттуда, подхватив упирающуюся и ничего не понимающую матушку, под недоуменным взглядом Анны, быстро убрался восвояси. Лючия, заплаканная и несчастная, вернулась, когда уже стемнело. Эти два неудачных опыта общения с мужчинами убедили Лючию, что дон Паскуале прав и что на роду ей написано быть Христовой невестой.

Прошло чуть больше месяца после похорон Лючиной матери. Лючия вернулась к своей прежней монотонно-спокойной жизни. Работа отнимала у нее много сил – она была сестрой в тяжелом – урологическом – отделении. После ночного дежурства возвращалась Лючия домой по пробуждающемуся городу.

– Синьорина, – еще не подняв глаза, она узнала голос Джакомо, – можно я провожу вас? Куда вы направляетесь?

Лючия ответила, что идет домой после дежурства.

– Хотите спать? А не то мы с вами прогулялись бы по вяле – уж больно хорошее утро!

Утро действительно было чудесное. Солнечные лучи грели ласково и равномерно, дул свежий ветерок. В центральной части Италии необыкновенно хороши именно два предшествующих лету месяца – апрель и май. В них словно сфокусировалась вся восхитительная мягкость и дымчатая прозрачность воздуха итальянских предгорий. Лючия, сама себе удивляясь, утвердительно кивнула, говоря себе в оправдание, что выспаться она всегда успеет, и они с Джакомо через маленькую, окруженную пальмами площадь Кавура направились к вяле – длинному, прямому проспекту, ведущему к морю. Лючия уже забыла, когда была здесь в последний раз, может, девочкой... Джакомо взял Лючию под руку, и это было так естественно, что она даже не успела удивиться. Проспект в этот ранний час был безлюден. Они бодро вышагивали по красивым узорным плиткам, среди пышной листвы, почти полностью заслоняющей солнце. Джакомо говорил о чем-то незначительном, но звук его голоса был приятен для слуха Лючии, она вслушивалась в звуки, в интонации, не в смысл. Ее удивило, что проспект, который когда-то казался бесконечным, кончился так быстро. Вышли к морю. Постояли на смотровой площадке наверху, потом спустились по петляющей в кустарнике каменной лестнице вниз к не совсем спокойному, темно-изумрудному морю. Усеянный галькой пляж был пуст, прибой обдавал их брызгами. Джакомо, повернувшись к Лючии, указал рукой куда-то наверх:

– Узнаете? Вон там, за Дуомо, должен быть ваш дом. Отсюда виднеется поле и белая стена, а уж за ней...

Ветер смешно растрепал его седеющие волосы, Лючия осторожно провела по ним ладонью. Оба притихли, как школьники. Джакомо притянул Лючины плечи к себе. Он хотел ей что-то сказать, его губы шевелились, а звук не шел. Большой, с седым ежиком волос мужчина чего-то испугался и заробел. Лючия чувствовала себя рядом с ним девочкой, но девочкой-повелительницей. Ее распирали два чувства: чувство счастья и чувство жалости к Джакомо. Она ответила на его не выговоренный вопрос:

– Конечно, мы будем вместе жить в этом доме.

И она указала туда, где за зеленым полем, усеянным белыми камнями, располагался ее дом.

* * *

Алла не сразу вернулась к реальности. Чтобы перейти из того мира в этот, надо было, чтобы подошел Гриша и потянул ее за рукав:

– Мне надоело, пойдем!

Алла стряхнула оцепенение, внимательно оглядела каменный стол, лежащую подле него Лесси, недовольного Гришу. Лючия встрепелась.

– Чего хочет джованотто? Устал сидеть? Пусть побегает по садику, там, слава Мадонне, уже не так жарко.

Удивительно, как точно Лючия угадывала смысл того, что Гришуня говорил ей, Алле, по-русски. Гриша, оставив Лесси, вприпрыжку побежал к маленькому, туго заселенному фруктовыми деревьями и съедобными травами Лючиному саду. Алла снова начала вслушиваться в довольно монотонный рассказ Лючи. Та уже приближалась к концу повествования. Они с Джакомо очень быстро надумали пожениться. Он перевез к ней, Лючии, свои пожитки, а свой дом оставил младшей дочке, только что вышедшей замуж. В больнице, где Лючия работала, долгое время ничего не знали о перемене в ее жизни. Узнали, когда как-то вечером Джакомо зашел за ней в своей нарядной форме «маршалла» – начальника полицейской части. Медсестры и даже врачи забегали, зашущукались: «Кто это? Чей это?» Высказывались различные догадки. Тайна начала раскрываться, когда, закончив работу, Лючия подошла к улыбающемуся импозантному сидящему «маршаллу» и они вместе, рука к руке, покинули помещение. На следующий день Лючию с утра окружила целая толпа. Ей пришлось признаться, что вот уже две недели, как она замужем. Коллеги устроили в честь Лючи и ее Джакомо праздничную «чену» в ресторане «Il Vecchio Pirata», а больничное начальство подарило им целый чемодан с маркеджанскими винами. На этой кульминационной ноте Лючия закончила свой рассказ. История эта имела свое невеселое продолжение. Лючия прожила с Джакомо семь счастливых лет, потом муж ее заболел неизлечимой болезнью. Лючия не отходила от его постели, звала в дом врачей, знахарей, священников. Все было напрасно – болезнь не уходила. Все, что случилось после смерти Джакомо, Алле трудно было представить. Это была особая тема: как смогла Лючия выжить, что удержало ее на земле, не дало отчаяться.

Гостям давно пора было уходить. Алла взглянула на Лючию: ту клонило в сон, глаза сами собой закрывались. Собрав листочки и запихнув их в сумку, Алла быстро поднялась и стала звать Гришу. Под бессильно-хриплый лай Лесси они вышли за ограду Лючиного дома.

Было около пяти часов, жара еще не спала, наоборот, солнечные лучи стали более прямыми и обжигающими. Поразмыслив, Алла повернула не домой, а в сторону Campo degli ebrei, где было много деревьев и, следовательно, тени.

Гриша шел за ней неохотно, он не любил долгих прогулок, к тому же он проголодался. Алла достала из сумки плитку шоколада:

– Терпи, Гришуня, на ужин сварю тебе пасту с «морскими фруктами».

Они уже выходили из зарослей кустарника на широкое зеленое поле, слева упиравшееся в громадную отвесную гору, а справа – в крутой обрыв, за которым далеко внизу плескалось море. Это место с давних времен называлось Еврейским кладбищем. Оно и было когда-то, вплоть до XVII века, местом захоронения местных евреев, повсюду там и сям среди земли торчали белые каменные плиты с процарапанными на них странными еврейскими буквами-значками. Эти странные надгробия, чудом сохранившиеся на небольшой прибрежной полоске земли (большая их часть была поглощена обрывистым берегом и упала в море) выглядели как ископаемые ящеры, древние реликты ушедшей жизни и культуры. Алла, как и все, знала, что это заповедное место, купленное у города много столетий назад еврейской общиной, власти собираются превратить в городской парк. Пока этого не произошло, она часто приходила сюда,

ее сюда тянуло. Ей казалось, что на этом давно заброшенном кладбище, которое в скором времени станет обычной землей, местом для прогулок, были захоронены ее предки, ее далекие, не известные ей родичи, чьих имен она не знала. Не знала она и языка надгробных надписей, ходила в непонятном оцепенении от одного камня к другому, задавая себе один и тот же вопрос: «Этот? Или этот?» Кладбище не было безлюдным. Даже в этот неурочный час здесь было много народу – семьи кучками сидели и лежали на траве, дети бегали между надгробий, звенели звонки велосипедов. В сущности это место давно уже стало парком. Захороненные здесь кости сгнили и сделались частью почвы, осталось только собрать и вывезти могильные камни. Весной, когда возле древних камней зацветают дикие фиалки, сюда за ними сбегается целый город. Скорее всего, Лючиин Джакомо именно здесь нарвал свой букетик, который принес на похороны ее матери. Алла стала думать о Лючии. Ей, Алле, трудно ее понять, все противится пониманию – и возраст, и воспитание, и чужая культура, и неродной язык. Но бывают мгновения, когда Алле кажется, что она чувствует, ЧТО стоит за Лючиинными словами, за ее многоречием или умолчаниями. У них с Лючией есть странная связь, не словесная, иная.

Алла помнит, как год назад Лючия взяла их с Гришей на загородную прогулку. После воскресного обеда посадила на свой тогда еще совсем новый фиат, и они помчались. Лючия, севшая за руль после смерти мужа, когда ей было за пятьдесят, вела машину смело, почти безрассудно. Ветер свистел в ушах, дорога вилась между гор. Остановились в горной лощине. Огромное пространство было огорожено оградой, сквозь решетки которой виднелись странного вида сооружения. Была ранняя весна, пахло землей. Лючия ввела их с Гришей за ограду, подвела к одному из темных многоярусных сооружений.

– Здесь, – показала она рукой на уровне второго ряда, – лежит мама, а здесь, – она указала выше, – лежит Джакомо.

Она замолчала. Гриша показал на свободное пространство, рядом с заполненной ячейкой:

– А здесь? Кто будет лежать здесь?

Он почти догадался, но не был до конца уверен в ответе, потому и спросил.

– Здесь, – спокойно сказала Лючия, – буду лежать я. И улыбнулась Грише. Она ничего не сказала Алле, но они посмотрели друг на друга, и Алла постаралась понять, чего от нее хочет Лючия. Нет, неспроста Лючия привезла их с Гришуней на это место, неспроста. Потом Лючия пошла к машине и вынула из багажника два небольших горшка с синевато-фиолетовыми мелкими цветочками. Она поставила горшки на землю подле темного камня. Вокруг, кроме этих цветочков, не было ничего живого – ни кустика, ни деревца, не было даже скамеечки, на которой можно было бы посидеть и погоревать. Все трое стояли и смотрели на трехъярусное чудо-вище. Гриша заскучал и начал ныть. Лючия, быстро на него взглянув, весело крикнула:

– Эй, джованотто, скорее беги к машине, там в багажнике есть кое-что для тебя.

– Чикита?

– Ну ты и догадлив!

* * *

— Мам, пойдем домой – я хочу па-асту, – тянул Гриша. Он устал от долгого пребывания вне дома – сначала у Лючии, потом на еврейском кладбище, – проголодался и начал капризничать. Нужно было возвращаться.

– Погоди минутку, сейчас пойдем!

Алла стояла на самой кромке вздыбленного обрывистого берега и смотрела на море. Было оно спокойно-величаво, безмолвно взмывали над ним чайки. Далеко-далеко за морем, за высокими горами и просторными долинами, за вековечностью долгих месяцев и мгновенных лет,

лежит Аллина родина. Не достучаться до нее, не докричаться, вплавь не доплыть и чайкой не долететь. Чудным сном спит она в каменном чудище-склепе. Мерно качаются цепи на столбах.

Алла отвернулась от моря и оглядела раскинувшееся перед ней пространство. Замыкающую его могучую гору с отвесным склоном, зеленую траву, кустарник, деревья, белые камни с процарапанными на них непонятными надписями, людей, подставляющих загорелые тела уже убывающим солнечным лучам.

– Пошли, – и она взяла Гришуню за руку. Когда они поравнялись с домом Лючия, к воротам подбежала Лесси и несколько раз пролаяла в их честь бессильным старческим лаем. Лючия, конечно же, еще спала, и Алла подумала, что когда-нибудь она обязательно опишет и Люцию, и историю ее замужества, и весь этот долгий жаркий июльский день... Это непременно, непременно будет в той ее новой жизни, которая когда-нибудь да начнется.

Апрель 2003

Мечта о крыжовнике

Тот, кто ходит в правде и говорит истину... тот будет обитать на высотах.
(Исайя 33, 15–16)

1. Откуда она взялась

Моя мечта – о крыжовнике. Да, я, Алессандро Милиотти, 68-и лет отроду, отец двоих детей и заведующий терапевтическим отделением больницы в городе А., мечтаю о крыжовнике. Это моя любимая мечта. Я понимаю, что для многих такая мечта как клеймо на челе. Люди мечтают о поездке на Гавайи, в Танзанию, на Мальдивы или хотя бы в Петербург. У кого-то мечта стать великим ученым, композитором, певцом. Другие мечтают прославиться, замелькать на телеэкранах, чтобы о них писали в газетах. А я... о крыжовнике. Но надо объяснить. Я люблю путешествовать и побывал уже во многих местах. На Гавайях, правда, не был, но в Петербурге довелось. Красивый город, волшебный, почти как наша Венеция. Великим ученым или там писателем я уже не стану, поздно; говорят, из меня получился неплохой врач, спасибо судьбе и за это. А про славу зачем думать? Она или есть или ее нет... в моем городе меня знают; смею думать, многие хотят лечиться только у меня, каждый день с утра и до вечера от звонков, конфетных коробок и благодарственных телеграмм нет спасенья. И что мне от этого? Только суета, нескончаемая работа без выходных и праздников, недовольство жены, невозможность побыть с внуками... Вот и сейчас пишу, когда на часах четыре часа утра. В семь поднимется жена и станет варить мне кофе, четверть восьмого я выйду из дому и по свежому, обдуваемому морским ветерком городу пойду в свою больницу... Но я отвлекся. Надо сказать, моя мечта возникла далеко не сразу. Вначале я прочитал у Чехова, моего любимого русского писателя, рассказ «Крыжовник». Прочитал и задумался. Почему Чехову так не нравится человек, который любит свой крыжовник? И что это за ягода такая – крыжовник? У нас в Италии она не произрастает. Татьяна, знакомая русская, с которой мы часто ведем литературные разговоры, объяснила мне, что для Чехова (как потом и для всех русских) крыжовник стал символом пошлости и мещанства. Дескать, человек уперся носом в свой клочок земли и больше ни о чем знать не хочет. Она не очень меня убедила. Я ведь родом из Севильяно, сын крестьянина в n-м поколении. Все они, крестьяне, возделывают свой клочок земли, всем он дорог – где здесь мещанство или пошлость? И вообще что обозначают эти русские слова – пошлость, мещанство? Татьяна сказала мне довольно зло (мне кажется, она злилась на соотечественников), что они, эти слова, обозначают сытость. Что ж, можно понять, что голодный, у которого ничего нет, ни земли, ни крыжовника, ненавидит того, кто сыт и кто всем этим владеет. Но Чехов, Чехов-то тут при чем? И насколько я знаю, у самого Чехова тоже был сад, он вообще был садоводом, я читал про его «сад непрерывного цветения» в Ялте.

Так заронила во мне эта мысль, пока только мысль, – о крыжовнике. И вот два года назад, летом, мы с женой поехали в Россию. Татьяна была нашим гидом. Когда-то много лет назад Татьяна жила в Петербурге, она работала там экскурсоводом и на одной из экскурсий познакомилась с милейшим Сандро. И вот теперь они наши соседи по дому в А. Про поездку в Россию писать сейчас не буду – отдельная тема. Скажу только, что Петербург и Москва показали мне сказочно прекрасными городами, но их жители выглядели людьми не вполне здоровыми. Мне было их жаль и так хотелось облегчить их страдания, обозначенные на хмурых, не улыбающихся лицах.

Правда, эти не улыбочивые люди отличались редкой добротой и благожелательностью к нам, иностранцам. И были очень честны. Клаудия выронила из сумочки пятидолларовую бумажку, и какая-то сгорбленная до земли старушка ее подняла, догнала нас и протянула. Мы были потрясены. Мне кажется, в Италии такое невозможно. Но продолжу свой рассказ. Татьяна повезла нас к себе «на дачу», деревянный дом в деревне, где жила сухонькая юркая синьора – ее мать. А та повела нас в сад и быстро набрала с круглых, мощно-ветвистых кустов кружку каких-то незнакомых ягод.

– Что это?

– Кружовник (кажется так по-русски звучит это слово), и она угостила нас с Клаудией крыжовником. Мне «кружовник» необыкновенно понравился. Крупные, продолговатые, зеленовато-красные ягоды, покрытые легким ворсом. Ягода напоминала одновременно и виноградину, и персик. А по вкусу... я ничего не могу придумать, чтобы обозначить этот вкус. Повторю только, что он был отменный.

И вот тогда моя мечта стала обретать очертания. Я в тот миг подумал, что когда моя работа подойдет к концу и мы с Клаудией поселимся в Севильяно, я обязательно, обязательно посажу там крыжовник. С тех пор я мечтаю о крыжовнике.

2. Мой младший брат Франческо

Мой брат беспрестанно твердит мне, что я счастливец. Стоит мне набрать его номер, как он тут же выдает мне этого «счастливец». Привет, – говорит, – счастливец. Сколько у тебя нового счастья народилось за день? У меня застрекает в горле ворчливый или ехидный ответ – я всегда помню, что мой брат несчастен. Самое его большое несчастье – сын. Даниеле, единственный ребенок моего младшего брата, пять лет назад попал в аварию. Возвращался с дискотеки, был не вполне трезв. Его машину занесло на повороте, и он врезался в каменный бордюр. У мальчика – ему было тогда двадцать лет – оказался сломанным позвоночник. Его оперировали, но сделать ничего было нельзя – Даниеле остался инвалидом. Когда я приезжаю в Севильяно, в родительский дом, где теперь живет Франческо, и слышу за спиной скрип приближающейся инвалидной коляски, мне хочется вскрикнуть. Но я делаю усилие и поворачиваюсь к Даниеле с улыбкой. Мальчика не узнать. За эти годы он сильно поправился, его щеки лоснятся от жира, у него толстый живот и большие бессильные ноги. Он отрастил бороду, на лице его выражение апатии и скуки.

Он словно нехотя мне кивает и обращается к матери: «Ты обещала приготовить к обеду фокаччу, где она?»

Кристина всплескивает руками и кричит так громко, что кажется, сейчас у всех должны лопнуть барабанные перепонки: «О мадонна, ребенок хочет фокаччу, а у меня как назло кончилось оливковое масло. Твой отец сказал, что ничего страшного, что можно съесть на обед пиццу из ресторана, к тому же приехал твой дядя Алессандро, мне было не до приготовления обеда, его комната наверху в таком запустении, а ты ведь знаешь – у нас нет служанки, чтобы сделать эту работу вместо меня. Твой отец не так богат, чтобы держать служанку, он экономит на своей жене...» и все в таком роде. Кристина – второе несчастье моего брата. Он женился на этой женщине после рождения Даниеле. До нее у него было бесчисленное множество подруг, выбор был богатый, и угораздило же именно ее родить ему ребенка. Плохо не то, что она из простой семьи и не имеет образования – у нее совсем нет здравого смысла, как, впрочем, и у моего брата. Оба они люди легкомысленные и беспечные. Может быть, если бы брату досталась такая жена, как Клаудия, из него что-нибудь бы получилось. А теперь...

Кое в чем, наверное, виноват я. С юности Франческо привык, что я о нем забочусь и ему помогаю. Его всегда привлекала уличная жизнь – кафе, рестораны, веселые компании таких же беспечных, как он, лентяев. Они колесили по всей Италии с гитарами и в широких соломен-

ных ковбойских шляпах. Народ собирался поглазеть на диковинных артистов, а те завывали и вертелись в подражание англичанам и американцам. Однажды эта группа поехала на Сицилию. Но тамошний народ не привык к диким завываниям на чужом языке. Во избежание провала, Франческо и его ребята выучили несколько сицилийских песен, одну из них, возвратившись из вьяджо, он напел мне. Песня про засохший куст жасмина, простая, но берущая за душу.

Много ли заработаешь шарлатанством? Франческо бросил школу и скитался неизвестно где, а потом пожаловал ко мне в А. и попросил денег. Я тогда второй год учился на медицинском факультете, деньги на учебу давал отец, на жизнь я зарабатывал сам – давал уроки поступающим и отстающим. Франческо сказал, что задолжал приятелю крупную сумму и, если не отдаст, его могут убить.

Я взглянул на него и почти поверил, что это правда, – вид у него, восемнадцатилетнего оболтуса, был как у американского мормона – белая отутюженная рубашка, черный пиджак и широкие черные же брюки. Немного жарковато для сентября, не правда ли?

– Франческо, отец говорит, что дает тебе деньги.

– Да, но я их трачу, а сейчас мне нужна сразу большая сумма, я отдам тебе, как только заработаю, – и он утер нос рукавом черного пиджака.

Что было делать? Я отдал ему всю сумму – несколько миллионов лир, присланную мне отцом в уплату за университет. Конечно же, ничего он мне не отдал.

Тот год я запомнил как каторжный. Я подрядился работать фельдшером на скорой помощи, ночами работал, днем же посещал лекции; ночь и день слились в один нескончаемый морок. Наверное, раб на галерах, находится в таком же состоянии. Но сколько бы я ни работал, денег на оплату семестра у меня не было, а срок ежегодного взноса неумолимо приближался. Однажды на улице меня окликнула милая девушка, с которой я вместе сдавал вступительные экзамены. После экзаменов все большой компанией пошли в пиццерию, и эта девушка, Клаудия, сидела рядом со мной, и мы с ней, расхрабрившись, громко, на весь зал запели одну старую сицилийскую песню, которую каким-то чудом знали мы оба. По той ли причине, что эта песня про куст жасмина никому не была известна, или попросту студенты не жаловали народных песен, никто нам не подпел, и мы допели ее в полном одиночестве, после чего были удостоены смешками, криками и жидкими хлопками. Сейчас эта девушка смотрела на меня с жалостью.

– Тебе плохо? — без обиняков спросила она. – Ты нуждаешься в помощи?

Я посмотрел на нее и увидел все то же милое лицо, добрые, полные сострадания глаза.

– Ты мне помочь не можешь, я должен справиться сам.

– Деньги? – спросила она быстро. – Я могу тебе одолжить. Я выиграла в лотерею.

Не знаю, почему я ей сразу поверил. Потом оказалось, что про лотерею она выдумала, но эта спасительная ложь помогла мне взять у нее некоторую сумму, заплатить за университет и не погибнуть от сверхнапряжения.

Да, а Франческо, как я думаю, те мои присланные отцом деньги прокутил.

3. Мой старший сын Лоренцо

Не понимаю, почему бы Даниеле не начать чему-нибудь учиться. Я слышал, что в Америке люди в инвалидных колясках преподают в университетах, участвуют в соревнованиях, зарабатывают деньги работой в цирковых представлениях. Но мой брат и невестка и слышать не хотят ни о чем подобном. У Даниеле сформировались инстинкты нахлебника, капризного и истеричного ребенка. Но и мой брат до сих пор живет благодаря нашей помощи: мы с Клаудией ежемесячно посылаем ему приличную сумму. Вино, которое теперь делает Франческо (а он унаследовал отцовский виноградник и все хозяйство), не может его прокормить. Не знаю, что тому причиной, – конкуренты ли виноделы или непутевый нрав моего брата, не умеющего

как следует взяться за предприятие... У меня не поворачивается язык сказать о своих сомнениях Франческо. Знаю, что следом за моей критикой услышу от него: «Ты просто не можешь понять чужое несчастье. У тебя-то вечное счастье. Крестьянин зависит от погоды, работников и техники. Виноват ли я, что эти трое всегда против меня и ведут диверсионную войну с моим виноградником? Погода – сплошной дождь и сибирский холод, сезонные работники – пьяницы и лентяи, а техника вечно ломается». Техники, между нами, у него и нет никакой, оно и лучше, ибо нам с Клаудией пришлось бы покрывать и эти расходы. Да, именно так, про погоду, работников и технику Франческо мне и скажет, и еще прибавит, что мне лучше помалкивать, так как у моего Лоренцо тоже не ладится ни учеба, ни работа. И тут мне крыть будет нечем. Действительно, не ладится.

Мой старший сын Лоренцо учиться в университете не захотел. Это наша с Клаудией постоянная боль. Как могло случиться, что наш первенец, наш умный и такой непохожий ни на кого Лоренцо даже не попытался получить высшее образование, предпочел работу менеджера в магазине, – оба мы понять не в состоянии. Наши с Клаудией отцы-крестьяне лелеяли мечту об образовании для своих детей. И вот я – врач, Клаудия – педагог (после первого курса, споткнувшись об анатомию, она бросила медицинский и занялась латинским языком и историей), а наши дети, Лоренцо и Сильвия, увы, образования не имеют. Сильвия работает телефонисткой, Лоренцо...

Если бы Лоренцо только работал в магазине, было бы еще полбеды, но он захотел стать актером и пошел учиться на курсы при здешнем Театре Муз. Вот это привело нас с Клаудией в ужас. У Лоренцо, к сожалению, совсем нет актерских способностей. Год назад в нашем городе снимали фильм «Собака сына». Лоренцо надумал попробоваться на главную роль, естественно, не собаки, а ее хозяина. По всему городу тогда висели объявления, что требуется непрофессиональный актер, лет шестнадцати-семнадцати для этой роли. Известный режиссер, родом из А., решил снимать здесь свой новый фильм, и город в связи с этим сильно оживился. Вся эта суэта меня лично весьма забавляла. Правда, я слышал и наблюдал только отголоски, когда поздним вечером шел пешком из больницы и видел на площади Папы скопление народу, полицейское оцепление, оттуда слышался непрерывный собачий лай (возможно, лаяла настоящая героиня картины). Наш Лоренцо прямо с ума сошел.

Ему было уже за тридцать, но все же он решил попробоваться, чтобы, как он выразился, «не пропустить свой шанс». В картину его взяли, правда, вовсе не на главную (человеческую) роль, как он надеялся. Ему поручили сыграть продавца из пиццерии в крохотном проходном эпизоде. Таким крохотным, что, по правде говоря, если бы Лоренцо меня не толкнул и не вскрикнул: смотри! смотри! в момент своего появления на экране, я бы, возможно, его пропустил.

Эпизод такой. Проголодавшиеся герой и его собака подходят к дверям пиццерии, собачка остается на улице, а хозяин входит и покупает кусок пиццы, которую потом делит на двоих со своим симпатичным псом. Пиццу выдает стоящий за стойкой наш Лоренцо, но в кадре почти нет его лица, только руки, выхватывающие специальной держалкой с противня кусок дымящейся маргериты. Лоренцо всем рассказывал, что обучался этому движению – быстро выхватывать кусок – целый месяц. Что ж, выхватывал он его действительно быстро, мог бы не так торопиться, тогда, возможно, мы смогли бы рассмотреть его получше. После этого «дебюта» Лоренцо совсем ополоумел. Он решил, что его судьба – стать актером, хотя ничто ни в его внешности, ни в характере, ни в складе личности не говорило об актерской жилке. Внешность у него не вполне обыкновенная, он слегка полноват, с кудрявыми, на мой взгляд, излишне длинными черными волосами и большими, по большей части полузакрытыми и какими-то сонными глазами. Мне кажется, что его глаза кажутся сонными не от недосыпа, а от постоянных мечтаний. Он, наш Лоренцо, сдается мне, все время находится в мире своих грез. Там на актерских курсах в нашем Театре Муз он и повстречал свою Дульцинею. Девушка-марокканка, по имени

Уда. Она работала там уборщицей и сторожихой. Мы кое-что узнали о ней от нее же самой. Лоренцо не хотел на ней жениться, и она пришла к нам с Клаудией, умоляя воздействовать на сына. Тяжелая ситуация, скажу я вам. Ничего не имею против марокканок, но все же для семейной жизни опасно брать первую попавшуюся тебе на дороге женщину. Особенно у нас в Италии, где церковный брак заключается один раз, а расторжение нецерковного влечет за собой долгий и мучительный процесс развода с дележом детей и имущества, как правило, в пользу женщины.

История этой Уды вкратце такова. В Марокко семья ее голодала. В Италии у нее была старшая сестра, вышедшая замуж за бедолагу-итальянца, кормившегося в летнюю пору подсобными работами в садах и виноградниках. У того была старая машина, и вот на ней-то старшая сестра с бедолагой-мужем поехали выручать младшую. Они положили Уду в большую картонную коробку, по бокам которой вырезали отверстия для проникновения воздуха. Сверху девушку прикрыли разными цветными тканями и детскими игрушками. На итальянской границе машину остановили карабинеры, начался досмотр. Уда с трудом удерживалась от того чтобы не чихнуть, тело ее затекло от долгого лежания, ей хотелось справиться хотя бы малую нужду. Карабинеры досматривали лениво, дело было до всех нынешних террористических актов. Правда, игрушки они все же разгребли и спросили, что в коробке. Сестра Уды, ни жива ни мертва, пролепетала, что там надувная лодка – коробка действительно была из-под надувной лодки. Карабинеры махнули рукой, и бедолага-муж завел свою развалюху и тронулся. Но через десять минут их опять встретил пост. Досмотр был такой же беглый, как и в первый раз, но бедная Уда во время этой второй остановки почти лишилась чувств. Когда они порядочно отъехали от границы и смогли остановиться, то Уда была чуть жива; за недолгое время пути она так сильно похудела, что из цветущей девушки, превратилась в сухую мумию, и на ее теле, как она рассказывала, выступил пот в палец толщиной. Всю эту историю я слышал в пересказе Клаудии. Дело в том, что связавшись с Лоренцо, Уда разузнала наш адрес, и стала приходить к нам с жалобами на нашего сына. Главная жалоба была, естественно, та, что он не хочет на ней жениться. Каждый раз Клаудия ее утешала, давала советы, наделяла продуктами и деньгами.

Однажды Уда пришла заплаканная (дело было в мое отсутствие, меня застать дома довольно трудно) со страхом взглянула на Клаудию и пролепетала, что беременна. От кого? Естественно, от нашего сына. Тут же она разразилась рыданиями, сквозь которые прорывались ее сетования на злую судьбу, пославшую ей такого черствого парня. – Знает ли Лоренцо? – Конечно, знает, но говорит, что ребенок – это ее проблема, а не его; он не брал и не собирается брать на себя никаких обязательств.

Когда Клаудия, пересказывая мне всю сцену, повторила эти слова Лоренцо, я с тоской подумал, что мой сын – самый обыкновенный дюжинный парень. Господь не дал ему чувствительного сердца и отзывчивой души. Разве может такой быть актером? Ведь актер в моем представлении – это тот, кто способен вместить в себя трагедию мира, все катастрофы человечества и отдельного человека, и слезы матери, и горечь старика, и страх ребенка. Актер как врач берет на себя все эти муки и страхи и освобождает зрителей-пациентов от их тяжелых, болезненных состояний. Так я понимаю смысл слова «катарсис», которое употреблял великий Аристотель, объясняя воздействие трагедии на человека.

Потом был долгий период нашего с Клаудией «воздействия» на Лоренцо. Уда нам обоим не очень нравилась, была она закрыта от нас вследствие своего происхождения и воспитания. Но мы понимали, что Лоренцо не должен оставлять ее одну с ребенком, значит, он обязан на ней жениться. Тяжело это было осознавать, но делать было нечего. И Лоренцо-таки женился. Уда приняла католическую веру (никто ее к этому не понуждал, брак мог бы осуществиться, останься она мусульманкой, но – захотела). Церковный обряд венчания был совершен в нашей приходской церкви Сакро Куоре нашим с Клаудией многолетним другом доном Агостино, пожелавшим молодым «взаимопонимания, терпения и чадолубия». Уда была в тот

момент на седьмом месяце беременности. В свой срок появился на свет чернявый, черноглазый, похожий на маленького жучка Алессандро. Мальчонку назвали в мою честь. Так у нас с Клаудией появился внук.

За четыре года до этого младшая Сильвия принесла нам Марианну.

4. Моя младшая дочь Сильвия

Сильвия – еще одна моя головная боль. Я не то имею в виду, что у нее нет образования и она работает телефонисткой на станции, я – про другое. Хотя ее работа телефонистки тоже приносит всем нам много огорчений. Сильвия говорит, что от такой работы можно помешаться. Она действительно порой производит впечатление не вполне сбалансированного человека. Бедный Микеле, не знаю, как он выдерживает ее вспышки, истерические рыдания, долгое молчание или нескончаемую болтливость.

С некоторых пор эти ее состояния участились и стали вызывать в нас тревогу. То, что с Сильвией неладно, первой, как всегда, заметила Клаудия. После работы она ездит к Сильвии, чтобы помочь с четырехлетней Марианной. Клаудия обычно отпускает Микеле, возившегося с девочкой, к его рабочему компьютеру и выходит с ребенком погулять, или кормит малыша фруктовым пюре, или рассказывает ей страшные сказки из эпохи Древнего Рима. Так они проводят время до прихода мамы, то есть Сильвии, с работы. Микеле с некоторых пор работает дома. Он сидит за компьютером и делает объявления и рекламу для различных компаний. Микеле всегда вызывал у меня добрые чувства, доходящие до щемящей жалости. Не везет парню, что тут поделаешь? Заслонил бы его от недоброй «сфортуны», да как поймешь ее замысловатые ходы? Микеле – сирота, родом с Сицилии.

Про родителей его ничего не известно, разве что были они красивы и уравновешенны. Во всяком случае, Микеле унаследовал от них редкой соразмерности и чистоты лицо, светлые вьющиеся волосы, спокойный нрав. Почти до 30 лет прожил он в приюте для брошенных детей, вначале как воспитанник, затем – как воспитатель. Там, в Палермо, проявились его редкие музыкальные способности. Играл он и на мандолине, и на гитаре и даже на ветхой виолончели, которую судьба чудом занесла в детский приют. Но больше всего ему нравилось упражняться на органе; когда в церкви при приюте никого не было, он становился безраздельным владельцем небольшого, но звучного органа немецкой выделки, самостоятельно освоил игру на этом сверхнепростом инструменте и стал аккомпанировать на нем детскому хору.

Пять лет назад этот хор из Палермо гостил в нашем городе. Его принимал наш хор, созданный небезызвестным в нашем городе человеком Чезаре Гречи. Но должен отвлечься, чтобы сказать несколько слов о славном маэстро Чезаре.

Чезаре – человек талантливый и честолюбивый, при этом его способности разнообразны, так что он напоминает мне по совокупности своих свойств блестящего представителя Ринашменто эпохи Лоренцо Медичи. Преуспевающий инженер, отец многочисленного семейства, Чезаре умудрился создать при церкви Сан Пьетро очень неплохой хор, куда ходят самые разные любящие пение люди, в том числе моя жена Клаудия и наша дочь Сильвия. Я бы тоже посещал этот хор, будь у меня время. Чезаре, человек ищущий и склонный к авантюрам, всегда находит для хора что-то особенное, редко исполняемое. Музыкальные его способности замечательны, что однако не делает его поверхностным дилетантом: с хористами он занимается часами, так что два раза в неделю Клаудия возвращается домой глубокой ночью после долгой изнурительной репетиции, на которой Чезаре гоняет два женских и два мужских голоса хора вдоль и поперек какой-нибудь замысловатой партитуры.

Как раз пять лет назад Чезаре отыскал почти не исполняемую в силу своей трудности распisanную на десять голосов пасхальную мессу Доменико Скарлатти. Он сам распел и записал на магнитофон все десять партий этой сложнейшей вещи, и хор начал ее репетировать. В

один из тогдашних дней я встретил Чезаре на вьале, возвращаясь из своей больницы. Он нес на руках младшую Мартину, девочку полутора лет, свою точную копию и любимицу. Меня удивило мрачное выражение его лица. Оказывается, Чезаре был расстроен из-за Скарлатти. В хоре было очень мало басов, и это пагубно сказывалось на звучании *Stabat Mater* маэстро.

– Хоть посылай в Россию за басами, – горько шутил Чезаре. Известно, что русские славятся своими басами, в то время как в Италии их днем с огнем не сыщешь, итальянцы, по Божьему замыслу, – теноры.

Думаю, что мой блестящий собеседник был расстроен не только из-за хоровых дел. Оба – и он и его жена, Кьяра – до сих пор еще не могли оправиться после рождения у них пятого ребенка-девочки. Почему-то они были уверены, что уж пятый обязательно будет мальчик. Но пасьянс сей, как и распределение высоких и низких голосов, находится в руках небесных сил. Мальчик не получился, Чезаре со всей страстью принял за воспитание Мартину. И все же было видно, что на сердце у него не ладно. Возможно, эти обстоятельства спровоцировали его раздражение против плохого звучания басов в пасхальной мессе Скарлатти.

Наверное, мы слишком много ждем от своих детей, особенно мальчиков. А они, чувствуя это, порой словно торопятся доказать свою заурядность и несостоятельность...

Возвращаясь к своему рассказу. Вместе с детским хором из Палермо приехал Микеле в качестве воспитателя и аккомпаниатора-органиста. Случилось, что Чезаре зашел в церковь перед концертом гостей, в то время когда Микеле репетировал на органе. Играя, тот безотчетно напевал, вторя мелодии, и Чезаре поразило, что напевает он басом. Трепеща, он приблизился к Микеле и попросил его спеть какой-то пассаж. Удивленный Микеле безошибочно повторил пассаж, обнаружив при этом не только блестящий слух, но и то, что обладает красивым и глубоким баритональным басом.

С этого момента началась история укоренения бесприютного сироты в нашем городе, а затем и в нашей семье. Микеле был привлечен Чезаре к участию в хоре. Надо сказать, что многоталантливый и вездесущий Гречи возглавлял также комиссию по присуждению премий на ежегодном общепалерманском конкурсе органистов, каждую весну проходящем в нашем городе. Чезаре привлек своего протеже к участию в этом конкурсе, и Микеле без особого труда выиграл первый приз – три миллиона лир. Сумма эта, довольно пустяшная, казалась Микеле громадной, он, воспитанный в приюте, никогда не держал в руках больше 100 тысяч лир. Не знаю, на что он их потратил, но подозреваю, что на ребячью забаву – сласти. В сущности, тридцатилетний Микеле был большим ребенком, ничего не смыслящим в окружающей жизни. На время Чезаре стал его поводырем, дал кров и работу – Микеле присматривал за пятью малышами, пока Кьяра вела судебное разбирательство или готовилась к очередному процессу.

Хор Чезаре Гречи, кроме того, что был лучшим в округе, отличался еще одним весьма привлекательным качеством. Он был местом знакомства и встреч для юношей и девушек, что, как правило, являлось прелюдией к браку. Сам Чезаре подал хористам пример, женившись на Кьяре Амичи, студентке юридического факультета, чей сильный, но сухой и немелодичный голос теперь раздается в суде. Выйдя замуж, Кьяра перестала посещать репетиции и, говорят, даже возненавидела хор как своего главного соперника в жизни Чезаре.

Моей дочери Сильвии к моменту появления в хоре Микеле было 28 лет, внешне она была точной моей копией, высокой, очень прямой, со смуглой кожей, черными глазами и резкими энергичными движениями.

Сильвия с детства росла очень самостоятельной, никогда не оглядывалась на окружающих и не считалась в своем поведении ни с чем. Смею думать, что иногда мое близкое присутствие сдерживало ее природные инстинкты, но, скорее всего, не слишком. Сильвия, не будучи красавицей, сменила уже десяток кавалеров, когда на горизонте появился Микеле.

Клаудия рассказывала, что, когда Сильвия увидела его в первый раз, у нее непроизвольно вырвалось: «О, Мадонна, бывают же такие красавчики!».

Микеле и в самом деле был красив, но не мужской, а какой-то детской или даже ангельской красотой, единственным его недостатком был низкий рост. Не знаю, сколько времени потребовалось Сильвии, чтобы сделать Микеле своим, думаю, немного. Был он, я полагаю, несмотря на свой неюный возраст, совершенно неопытен в любовных делах. У Сильвии же, унаследовавшей некоторые черты нонны Марго, Клаудиной матери, – любовного темперамента хватало на двоих.

Как-то, когда я вернулся домой чуть раньше обычного, Клаудия после позднего ужина предложила мне погулять. Мы вышли на темную улицу и пошли по направлению к морю. Февральский вечер пронизывал холодом, дул резкий встречный ветер. Клаудии говорила, повернув ко мне лицо и заслоняясь рукой от ветра. Ее слова не все долетали до меня, но главное я услышал: Сильвия ждет ребенка. Она безумно любит Микеле, а тот ее просто обожает. Оба мечтают пожениться, они не могли сладить со своими чувствами. Я слушал и дивился: все же моя жена не похожа на прочих итальянок. Ни слова не сказала она о том, что Микеле не просто беден – нищ, что нет у него ни родителей, ни родственников, что не имеет он специальности и не приспособлен к жизни в большом мире.

Не сказала Клаудия и о злых языках, которые не преминут посудачить по поводу беременности Сильвии. Мне так и слышался громкий шепот одной моей пациентки, богомольной старушки, дарящей мне по праздникам книги о святых и праведниках, что, видимо, намекало на мое с ними сходство: «И в кого у них такие дети? Оба еще до свадьбы обзавелись потомством! Бедный Алессандро Милотти, он всегда мне казался немножко слишком праведным, и вот следствие – его дочь безнравственна до мозга костей, посмотрите на ее живот!».

Неужели у Сильвии не хватило ума понять, что в таком городе, как А., все на виду и что она ставит нас с Клаудией, преподавательницей лица, в очень щекотливое положение! А, может, потому она и поспешила, что была не уверена в нашей согласии на ее брак с Микеле? Кто из нормальных родителей захочет иметь такого зятя? Безродного, инфантильного, не умеющего зарабатывать деньги. Неужели нам с Клаудией сужден именно такой? А сама Сильвия? Не слишком ли она торопится? Я совсем не был уверен, что поговорка «с милым рай и в шалаше» создана для таких, как моя дочь.

Тем временем мы подошли к самому берегу. Темные торопливые волны бились о гранит и разбивались в пену. Далеко впереди на глянцево-черной поверхности моря блестящей точкой светился паром, направляющийся в Грецию. Хорошо бы очутиться сейчас на таком вот комфортабельном судне. Ни о чем не думать, сидеть в каюте с доброй подругой, попивать вино и мирно беседовать о кризисе культуры, о падении нравов, о предвиденьях Чехова... Я посмотрел на Клаудию. Что за нелепый вид был у нее. Обычно подтянутая, красиво причесанная, сейчас она напоминала встрепанную замерзшую птичку – обхватила себя руками, спасаясь от ветра, пряди полуседых волос топорщились и закрывали лицо, из глаз текли слезы. Наверное, и я в эту минуту выглядел как жалкий нахохлившийся воробей. Сколько же лет прошло с тех пор, как Клаудия предложила мне деньги, якобы выигранные ею в лотерею? Она даже не подозревает, что, возможно, спасла мне тогда жизнь. Как изменило ее время, но в моих глазах она все та же – строгая, милая, доверчивая. Мне стало ее нестерпимо жаль, я обнял ее и прижал к сердцу: «Помнишь, как мы с тобой начинали?» Она смотрела непонимающе, и я запел припев той сицилийской песенки о цветах, которая была нам обоим одинаково дорога.

Fiori, fiori, fiori di tutt l'anno,
L'amore che mi desti te lo rendo.
Fiori, fiori, fiori di primavera,
Se tu non m'ami morirò di pena.

Клаудия подхватила чуть слышным шепотом. Порывы ветра мешали, ломали мелодию и уносили слова. Вдруг Клаудия остановилась и произнесла: «Я хочу, чтобы Сильвия была счастлива. Как ты думаешь, Алессандро, ведь счастье не в деньгах?»

– Конечно, нет, – я рассмеялся.

Клаудия сначала не поняла, потом подхватила мой смех. Мы смеялись, глядя друг на друга, в каком-то едином порыве. А потом, отсмеявшись, я сказал: «Микеле мне нравится. Возможно, Сильвия вытянула свой счастливый билет». Клаудия сжала мою руку, и мы еще несколько минут молча стояли под злыми ударами ветра, глядя на маячащую в беспредельности моря яркую точку парома.

5. Мой зять Микеле

Но дело было сложнее. Сильвия и Микеле, прожив вместе 5 лет, так и не стали «настоящей парой». Не знаю, что тому причиной, подозреваю, что взбалмошный нрав Сильвии, ее неукротимые гены, возможно, унаследованные от нонны Марго, матери Клаудии, родившейся на Сицилии.

В последнее время то, что подспудно таилось внутри этой семьи, стало просачиваться наружу. Началось с того, что Клаудия обнаружила, что Сильвия «впала в депрессию». Несколько раз, возвратившись с работы, Сильвия начинала истерично кричать, что она устала, что сил ее больше нет и что от такой жизни лучше в петлю. Клаудия и Микеле, как могли, ее успокаивали. Четырехлетняя Марианна, глядя на маму, тоже начинала плакать. Было понятно, что Сильвия переутомилась и нужно дать ей отдохнуть. Мы с Клаудией, поразмыслив, организовали «детям» поездку в горы. Микеле, как обычно, противился, говоря, что жить надо по средствам и что мы слишком часто берем на себя их расходы.

В начале их с Сильвией совместной жизни он работал настройщиком инструментов, консультировал музыкантов, за что получал сущие гроши. Много ли музыкантов в А.? Затем, под нажимом Сильвии, он отошел от музыки, единственного дела, которое любил и знал, освоил компьютер, стал оформлять для заказчиков какие-то открытки, обложки. Получал все те же мизерные деньги, несмотря на то, что целые дни проводил у злосчастливого компьютера.

Мне было его жаль, он, ясное дело, жертвовал собой ради семьи. Толку от этого, однако, было немного. Бог не дал Микеле ни предприимчивости, ни оборотистости, ни больших художественных способностей (понятно, что о музыке, где он был царь и бог, я не говорю). Ему давали советы все, кому не лень; Клаудия рассказывала, что даже обожаемая им Марианна требовала, чтобы милый папочка прибавил красок в открытки для детей, так как дети любят пярче.

С Сильвией явно что-то происходило. Однажды в воскресенье, во время совместного обеда у нас в доме, Микеле опрокинул на скатерть бокал вина. Клаудия, как и подобает хозяйке, подала ему салфетки, поинтересовалась, не залил ли он свой костюм. Сильвия же разразилась громким истерическим смехом, после чего вскочила из-за стола и убежала.

Нонна Марго, сидевшая тут же, пробурчала что-то сквозь зубы и покачала головой. Жизнь, а быть может, старость сделали мою не поддающуюся времени суочеру мудрой и рассудительной, словно и не числилось за ней «грешков» и ошибок молодости. Я видел, что Марго, как и я, сочувствует и жалеет Микеле. Клаудия же, в одно слово с Сильвией, осуждала его за инфантильность и неумение зарабатывать деньги. Но ведь эти его качества всегда были на поверхности, он их и не скрывал; может, именно за них Сильвия вначале так его и полюбила. Отдых в горах облегчения не принес – Сильвия продолжала принимать антидепрессанты, я несколько раз водил ее на консультацию к коллегам-психоневрологам.

Как-то поздним вечером, возвращаясь по проспекту с работы, я заметил далеко впереди пару – высокую сильную женщину в нарядном белом костюме и еще более высокого мускулистого мужчину в яркой рубашке. Оба шли довольно быстро, по-видимому, оживленно беседуя.

Не сразу до меня дошло, что женщина впереди – это Сильвия. Пара остановилась посреди дороги, горячо обсуждая какой-то вопрос, я свернул на подстриженный газон и, проходя мимо, невидимый ими, взглянул на обоих сбоку. Сильвия была необычно весела, взгляд ее светился, потухшее в последнее время лицо было оживленным и ярким, словно с него сняли пленку. Парень... я его никогда не видел прежде... показался мне довольно заурядным: хорошо подстрижен, спортивен, высок. Думаю, что рост Микеле, а он был заметно ниже Сильвии, сыграл большую роль в ее к нему охлаждении. Женщины не любят низкорослых.

Придя домой, я ничего не сказал Клаудии о неожиданной встрече. После ужина, когда она снова завела разговор о состоянии здоровья Сильвии, я, наверное, от усталости, отключился и заснул. И что вы думаете мне снилось? Мне снилось нескончаемое поле крыжовника. Между огромными мохнатыми ягодами бегала маленькая Марианна, плакала и кого-то громко звала, наверное, отца с матерью...

6. Русская Катя

Домой я прихожу поздно. Обо всех событиях в семье узнаю в основном от Клаудии. Влиять на эти события мне не под силу. Что можно сделать с женщиной, мечтающей вырваться на свободу и возомнившей, что это очень легко, стоит лишь принести в жертву одного маленького, когда-то близкого человека? Сильвия, как я понимаю, собирается принести в жертву Микеле. Она не учитывает, что сделает несчастной Марианну. Оба – отец и дочь – жить друг без друга не могут. Почему всегда страдают самые слабые? Слабых мне как-то особенно жаль, может, потому я и врач. Но сам врач не должен быть слабым. Или, во всяком случае, никто не должен видеть его таким. Когда я прихожу к себе в отделение, я перестаю быть просто Алессандро Милиотти, человеком со своими семейными и прочими проблемами, – я становлюсь Геркулесом, Ахиллом, Антеем. Мои больные наделяют меня чудесной силой, они верят мне и почти боготворят. Некоторые живы только потому, что ждут моего прихода, из-за них я хожу в отделение и в субботу, и в воскресенье... Нельзя, чтобы человеку стало плохо, только потому что у меня выходной.

Но я отвлекся. Говорил ли я, что у Татьяны, нашей русской знакомой, есть дочь Катя? Почему-то главное чувство, которое она вызывает во мне, – жалость. Мне ее невыносимо жаль, хочется загородить ее от мира, с его жестокостью, несправедливостью, одичанием. Хочется, чтобы она ничего этого не знала и не видела – уж очень беззащитна. Катя тоненькая, хрупкая девочка со светлыми волосами, синеглазая. Глаза у нее какие-то очень грустные, и она редко смеется. Но даже если она смеется, глаза остаются грустными.

И вот эта-то Катя надумала стать медиком! Татьяна ее не отговаривала, она объясняла мне, что Катя так много болела в детстве, что, видно, ей на роду написано бороться с болезнями. На мои доводы, что настоящий врач все же мужчина, а не женщина, Татьяна отвечала, что такой взгляд устарел даже в Италии, а уж на ее родине, в России, женщин-врачей гораздо больше, чем мужчин. Еще она добавляла, что всю жизнь мечтала иметь в семье врача, что итальянская система здравоохранения никуда не годится и, если не имеешь дома своего врача, легко загнуться или пропустить у себя что-нибудь страшное... Короче, девочка поступила в А. на медицинский.

Что такое медицинский факультет в маленьком провинциальном городе Италии? Врачи во всяком цивилизованном обществе составляют хорошо организованную сплоченную корпорацию, не желающую, чтобы в нее просачивались люди со стороны. Так уж повелось у нас со времен Медичи, великих медиков, давших имя славному флорентинскому роду. В мое время,

когда врачей не хватало и работа еще не сулила высокого вознаграждения, учиться было несомненно легче. Сейчас же все по-другому. Студенты учатся десятилетиями и выходят из стен альма матер напичканными никуда не нужными схоластическими знаниями.

На эти горькие размышления навели меня Катя и ее судьба, за которой я пристально следил все эти годы. Катя оказалась целеустремленной и упорной, с цепкой памятью. Ее семья не принадлежала к медицинскому сословию, мать была иностранкой, с неизбывным русским акцентом – Кате пришлось тяжелее многих.

Ей выпало учиться целых десять лет, сдать кучу ужасных экзаменов, на подготовку которых тратились не недели и месяцы, а годы, отказаться от всех радостей жизни и зубрить, зубрить, зубрить. Девочка, и без того худосочная, превратилась в прозрачного эльфа, глаза ее стали еще более грустными и при первой возможности наполнялись слезами. Все эти годы перед самыми страшными экзаменами она приходила ко мне в больницу, и я ухитрялся найти для нее хоть немного времени и хоть чуточку помочь. Думаю, что эти посещения стали для Кати своего рода талисманом, она вкладывала в них именно такой – мистический смысл.

В самом деле, чем мог я, врач-практик, отучившийся несколько десятилетий назад, помочь ей в таких сложнейших дисциплинах, как анатомия и физиология, иммунология и эндокринный аппарат, неврология и психиатрия? Но, однако, успешно сдав очередной неподъемный экзамен, Катя всегда рассказывала примерно одну и ту же историю: после часового опроса профессор, прищурившись, задавал синьорине-студентессе последний вопрос. Как правило, это был вопрос на засыпку, тот самый, ответ на который синьорина-студентесса не могла бы найти ни в многопудовых учебниках, ни в лекциях.

В этом месте рассказа Катя обращала ко мне оживившееся лицо и после паузы с торжеством произносила: «И я ответила. Помнишь, Алессандро, ты крикнул мне вдогонку, чтобы я не забывала про проблемы печени, ведь пациент не будет рассказывать, что злоупотребляет алкоголем?» Конечно же, ничего я не помнил и, по правде говоря, не очень верил, что мои разрозненные пояснения практикующего врача могли принести Кате какую-то пользу.

Неделю назад Катя пришла ко мне в больницу во время обхода. Как-то так получилось, что все эти годы на обход я ее с собой не брал. С непривычки обход тяжел, особенно для такой худосочной девицы, как Катя. Юноши, проходящие практику в моем отделении, после обхода падают с ног от усталости. Конечно, девочка уже кончает университет и скоро ей придется впрягаться в лямку, но... Катя иногда бывает упрямой. В этот раз она увязалась за мной, присоединившись к выводку практикантов. Закончив обход, я отыскал ее глазами – зеленовато-бледная, улыбнулась мне через силу. И зачем она выбрала себе такую не женскую профессию? Она задержалась возле моего кабинета, и я предложил ей зайти передохнуть. Подавая стакан воды, пошутил:

– Скоро ты, Катя, будешь обмывать свой диплом. Ты уже выбрала местечко для праздничной чены?

Она ответила с некоторой запинкой.

– В артистическом кафе, с друзьями.

Странно, никогда не знал, что у нее есть друзья-артисты.

– Я думал, что только мой Лоренцо ходит в это кафе.

– Там будет и Лоренцо.

Когда у человека бледное лицо, он краснеет каким-то фиолетовым цветом. Катя не покраснела, а залиловела. И очень быстро стала говорить, что Лоренцо подготовил какой-то очень смешной скетч, что у него уморительно получается номер с говорящей собакой. Опять собака! Я вспомнил фильм «Собака сына», где играл мой Лоренцо. Там он, однако, играл бармена. Почему Катя так волнуется? Что ей Лоренцо?

В последнее время Клаудия говорила мне, что Лоренцо совсем забросил свою марокканскую жену, что бедный кудрявый Алессандро растет без отца. Уда жаловалась, что муж пере-

стал приходиться ночевать. Уж не Катя ли тому виной? Какие мысли мне лезут в голову! Зачем этой скромной строгой девушке мой непутевый легкомысленный сын? Но вот нравится же ей его, по-видимому, идиотский скетч. Катя продолжала что-то говорить, а я отключился и смотрел на ее усталое прозрачно-кукольное личико, тонкие руки, глаза, в которых затаилась мольба. Чего нужно миру от этой девочки? Таких следует баюкать, голубить, успокаивать. Какой из нее врач? Она не может помочь даже себе самой. Внезапно что-то в этом лице изменилось. Оно искривилось жалкой гримасой, и Катя заплакала.

– Катя, что ты? Что с тобой?

Девочка беззвучно плакала, ее узкие плечики тряслись от рыданий, она вытирала ладонями мокрые слепые глаза. Устала на обходе? Что-то мне говорило, что дело в другом.

– Успокойся, девочка. Тебе нужно отдохнуть. Бесконечные экзамены, тут еще этот длинный обход...

Я гладил ее по голове, она продолжала всхлипывать.

– Посмотри, какая благодать за окном!

Высокое окно в кабинете выходило в прибольничный сад. Я подошел и открыл его – в ноздри ударил терпкий и тонкий запах – царственно белоснежный куст рос под самым окном.

– Чувствуешь запах? Это джельсомино, жасмин. Есть такая песня, – и я напел ей нашу с Клаудией песню:

I bei gelsomini rampicanti
Sotto la tua finestra son seccati.
Fiori, fiori, fiori, fiori di primavera,
Se tu non m'ami morirò di pena.

Катя подняла голову, вслушиваясь, и прошептала, вздрагивающим голосом: «Я ее знаю, слышала».

– Слышала? От кого?

Она отвернула от меня лицо и почти беззвучно выдохнула: «От Лоренцо». Я подошел и взял ее лицо в ладони.

– Катя, ты плачешь из-за Лоренцо? Ты... ты его любишь?

Она перестала плакать, но упорно отводила взгляд в сторону.

– Катя, скажи, что тебя мучает? С тобой что-то случилось?

– Я не хочу убивать ребенка, – вдруг тихо и внятно произнесла она. – Ему уже три месяца, и он все чувствует и понимает, но даже если бы ему было всего три недели или даже три дня, он все равно уже живое существо. Я не хочу его убивать! – и она снова залилась слезами.

7. Моя родина Севильяно

Севильяно – моя родная деревня. В центральной Италии таких много. Холмистая равнина, на которой рассыпались белые каменные домишки с красными крышами. В центре высокая церковь – Дуомо, по сторонам в уходящих вверх предгорьях – сады, виноградники.

Когда я выйду на пенсию, я куплю здесь себе кусочек земли с маленьким домиком. На участке Клаудия обязательно посадит цветы и цветущий кустарник, а я, как уже говорил, разведу плантацию крыжовника.

Засыпая, я представляю себе картину: круглые, раздавленные вширь мощными ветвями кусты, усыпанные мохнатыми красноватыми ягодами. Почему-то эта картина меня успокаивает, и я проваливаюсь в сон, тем более, что очень устал за день и мое не слишком уже молодое тело нуждается в отдыхе.

Да, в последнее время я стал чувствовать, что тело уже далеко не так мне подвластно, как казалось совсем недавно. Ну да ничего, поживем еще и порадуемся жизни, как говорил мой покойный отец, простой крестьянин. Здесь в Севильяно, на деревенском кладбище, в семейном склепе, лежат они оба – мама и отец. Здесь же будем лежать и мы с Клаудией и мой брат Франческо.

Вот насчет детей не уверен – они могут разлететься по свету, да и просто могут не захотеть покоиться на простом деревенском кладбище. Лоренцо такое место последнего успокоения наверняка покажется слишком обыденным, неинтересным. Сильвия же над этим вопросом пока не задумывается, ей сейчас надо решать земные дела, например, как разъехаться с несчастным Микеле. Я уже предчувствую, что моя дочь захочет выгнать Микеле из дома, чтобы поселиться там со своим новым мужем. Куда тогда денется Микеле? Ну да ладно, нельзя заикливаться на таких темах, ничего кроме сердечной боли они не принесут. Да, кладбище.

Пожалуй, только нонна Марго будет лежать тут вместе с нами. На ее родине, Сицилии, родственников у нее не осталось.

Нонна Марго поживет еще, у нее крепкая сицилийская порода и жизнелюбивый веселый нрав. Это она научила Клаудию той песне – про жасмин. А мне напел ее мой младший брат Франческо – беспечный выджаторе привез ее из своих музыкальных странствий.

Эту девочку, Катю, песне про жасмин обучил наш Лоренцо.

Странно, мне казалось, что ни Сильвия, ни Лоренцо ничего не взяли у нас с Клаудией. Внешне Лоренцо походит на Клаудию, а Сильвия на меня, но внутренне они одинаково от нас далеки, хотя... кто знает? Может, Лоренцо не так бесчувствен и зауряден, как мне кажется? А может, в его и Сильвии детях, в курчавом арапчонке Алессандро, в маленькой разумной Марианне, пробьется что-то, идущее от бабки с дедом?

Мой отец-винодел мечтал, что сыновья оторвутся от земли, выбьются в люди. Наверное, он доволен, глядя оттуда, из родового севильяновского склепа, что я стал врачом, что люди уважительно обращаются ко мне «дотторе». Отец умер от рака желудка, в страшных муках, несмотря на большие дозы морфия. Не жаловался, как-то в одночасье похудел, однажды проговорился матери про боли в области желудка. Когда попал в больницу, метастазы были уже повсюду, даже в печени, оперировать было поздно. Что будет с Клаудией, если я скажу ей, что постоянно чувствую боль в желудке? Представляю смесь ужаса и сострадания на ее лице. Нет, Клаудии я ничего не скажу. Буду жить как жил, авось, случится чудо – и Господь смилуется над рабом своим. Если же нет, перед тем как покинуть этот мир, хотел бы я поглядеть на того ребенка, на того нежного ангела, которого родит Катя. И еще бы мне хотелось, перед тем как навечно смежить веки, узреть залитый майским солнцем сад в Севильяно, и в нем – кусты крыжовника, усыпанные крупными невиданными здесь ягодами.

Май 2005

In chiesa¹

Удона Агостино появился помощник. Валерия его еще не видела, но Кьяра говорила, что «molto bravo» – молодой и красивый. Было странно, что молодые и красивые идут в католические священники, обрекая себя на целибат – обет безбрачия; тем любопытнее было на него взглянуть. Увидела его Валерия в церкви, на мессе. Высокий, очень крупный, с выразительными итальянскими глазами и пышными черными волосами, он обладал к тому же приятным голосом с четкими, выверенными интонациями. Валерия подумала, что женщины, составляющие большую часть паствы, будут покорены. Она поискала глазами дону Агостино, но его на мессе не было – наверное, уехал по делам. Бедному дону Агостино уже давно был нужен заместитель – *vice-parroco*, без помощников он крутился как белка в колесе.

Валерия успела привязаться к пожилому священнику. Из его рассказов она знала, что подростком он был отдан родителями – деревенскими ремесленниками – в церковную школу. С того времени судьба его была решена: отсутствие своей семьи, жреческое служение церкви. Между тем, Валерия видела, как тянется он к домашнему теплу. Как бы ни был он занят крестинами, похоронами, свадьбами, сколько бы служб в день ни проводил, – находил время зайти к ним «на чаек», приносил Оленке гостинцы. Валерия была бесконечно благодарна дону Агостино: в страшный час, когда умер ее муж и она, с дочерью на руках, осталась одна, в чужой стране, без работы и без денег, он пришел ей на помощь. Поселил у себя в церкви в пустующей квартире привратника, под самым чердаком, помог найти работу. Работа не ахти какая – она сидела с больным стариком, – но на этот миллион лир они с Оленкой могли более или менее сносно жить, если учитывать, что священник ничего с них не брал за жилье.

Народ расходился после воскресной мессы. К Валерии подошла Кьяра и громко, как могут только итальянцы, начала расхваливать дону Леонардо – так звали молодого священника. Между прочим, она сказала, что тот учился на инженера, но страсть к религии перетянула, и он продолжал образование уже в семинарии. Валерия в прошлой жизни тоже была инженером и внутренне обрадовалась этому совпадению. «Посмотри, посмотри! – Кьяра радостно кивала в сторону немолодой пары, только что вышедшей из церкви. – Это его родители». Она понизила голос, но он все равно долетал до ушей стоящих поблизости: «Крестьяне из Арчевии, им и не снилось, что сын станет священником. Смотри, прямо лоснятся от счастья». Смущенные старички прохаживались возле церкви, видимо, поджидая сына. Наконец он вышел, сменив церковное облачение на скромный цивильный костюм. Когда все трое проходили мимо, Кьяра окликнула мать Леонардо: «Sei felice, Leonella?» (Ты счастлива, Леонелла?) Та оглянулась, торопливо кивнула и почему-то очень пристально, без улыбки, поглядела на Валерию. Взгляд был явно изучающий, Валерии стало не по себе.

Нового священника поселили в другом крыле церкви. Валерия там никогда не была, но всезнающая Кьяра, забежавшая после мессы к Валерии, рассказала, что комнатка, как в монастыре, – два стула, кровать, на стене железное распятие, шкафчик для одежды. «Маловато будет для такого гиганта», – подытожила Кьяра и почему-то шепотом, хотя они были одни, добавила: «Я ему свое зеркало принесу. У меня лишнее, а ему нужно вон волосы какие, как у Самсона». Валерии хотелось сказать: «В отсутствие Далилы». Но она промолчала. Кьяре она старалась не говорить лишнего. Кьяра была приходящей домашней работницей у дону Агостино и волей-неволей являлась распространителем всевозможных слухов и сплетен. К Валерии она относилась по-доброму, очень любила Оленку, та даже стала звать ее «nonna» (бабушка). Порой Валерию тяготило ее общество, как ни убеждала она себя, что лучше Кьяра, чем тишина в четырех стенах. Но гораздо чаще Валерия нуждалась в Кьяре, в

¹ В церкви (*итал.*).

ее болтовне, в простых и грубоватых манерах. Когда молодой женщине становилось особенно тяжело, хоть волком вой, они с Оленкой шли к «бабе Кьяре», в маленькую вдовью квартирку неподалеку от церкви, и там за кофе, за разговором отогревались и веселились.

С уходом Кьяры стало как-то особенно пусто. Сквозь занавеску кухонного окна било солнце, наступал послеобеденный час – итальянское помериджо, когда душа млеет и томится. Валерия не любила помериджо, с некоторых пор особенно тягостны стали воскресные вечера – незаполненное время грозило воспоминаниями. Она посмотрела на часы. До семи – времени, когда привезут Оленку, гостившую в семье одноклассницы, – еще далеко. Накинула на плечи легкую синюю куртку и вышла на улицу. Несмотря на солнце, в воздухе еще держалась прохлада. Валерия подумала, что такой ветреный мартовский денек вполне мог быть и в России, разница только в солнце – здесь оно нестерпимо яркое, — да в снеге, которого здесь и зимой-то не бывает. Секунду поколебавшись, она пошла по дороге к Дуомо. Это был ее любимый маршрут.

Необыкновенным был город, куда забросила ее судьба. Морской торговый порт в бухте, открытой в незапамятные времена еще греками, он располагался на бесчисленных холмах – так что не было в нем ни одной улицы без заметного уклона. Валерию поражало, что к морю она могла выйти, идя по вяле (проспекту) как в одном, так и в другом, противоположном, направлении. Говорили и хотелось верить, что это единственный на земле город, где солнце встает и садится прямо в море. Над морем, на крутой отвесной горе, высился главный храм округи – Дуомо. Огромный, неуклюже вытянувшийся, он был выстроен из остатков древнего храма Афродиты тысячу лет тому назад. Христианство в этот город принес еврей из Иерусалима, по имени Кирияко, ставший первым в округе христианским священником (весковым), а затем, – замученный язычниками, – первым в этих местах святым. Храм носил его имя.

Валерия шла все вверх и вверх по узким, покрытым брусчаткой улочкам старого города по направлению к Дуомо. Там, где дорога ветвилась, она привычно выбрала нижнюю дорожку и пошла вдоль балюстрады, над которой нависали кроны высоких пиний, растущих по всему склону холма, упертого в море. Лента дороги шла отсюда вверх, к асфальтированной площадке на самой оконечности холма, где стоял Дуомо. Но туда ей не хотелось. Здесь, у балюстрады, открывался широкий вид на море, на шумный, гудящий кранами порт, на сказочно прекрасный город, раскинувшийся на холмах. От пиний шел одуряющий хвойный запах. Валерия прислонила лицо к мягкой хвое, на уровне ее глаз висела маленькая зеленая шишка. Сорвать на счастье? А вдруг дереву будет больно, как бывает, когда отрывают что-то родное? Валерия отдернула руку. Взгляд ее упал на дорожку: прямо у ее ног лежала точно такая маленькая зеленая шишка. Затаив дыхание, Валерия ее подняла. Было ощущение, что свершилось что-то сокровенное. Домой она шла медленно, почти не глядя по сторонам, сжимая в кулаке зеленую шишку.

На развилке, ведущей к Дуомо, ее кто-то окликнул. Она подняла глаза: перед ней стоял новый священник. Они не были знакомы, и она не знала, что сказать. Начал он: «Мне про вас говорили – вы русская. Я знаю, у вас случилось горе, – взгляд был добрый, сочувствующий. – Бог вам поможет». Он замолчал и вдруг добавил: «Два дня назад умер мой дядя, ближе у меня не было человека». Валерия подумала, что он вот-вот заплачет. Какое у него хорошее, совсем юное лицо. И вовсе он не дамский угодник, каким показался ей на мессе. Безотчетным движением она протянула ему шишку. «Возьмите это на счастье. У вас сегодня началась новая жизнь. Она, эта дочь пинии, принесет вам удачу». Священник медленно взял шишку из ее рук. Валерия кивнула и пошла вперед по дорожке. Шагов за собой она не слышала.

Приближалась Пасха. В Пальмовое воскресенье Оленка вместе с подружками продавала возле церкви окрашенные золотом веточки оливы. В воздухе уже жила и торжествовала весна – примavera. Какая-то необыкновенная свежесть, разлитая в природе, понуждала людей бодрствовать, строить планы, радоваться своему существованию. Адольфо, старичок, за которым

присматривала Валерия, впервые за много дней решил подняться с постели и, опираясь на ее руку, прибрел к церкви. Он сумел высидеть часть мессы, которую сегодня вел дон Агостино. Проводив Адольфо, Валерия вернулась в церковь. Дон Агостино завершал проповедь. Он то и дело обращался с вопросами к детям, которых обучал катехизису, — они занимали первые две скамьи в церкви. До Валерии доносился звонкий голос Оленки, смело отвечавшей на все вопросы. Валерия подумала, что теперь, с появлением дона Леонардо, простые и незамысловатые проповеди старого проповедника многим покажутся слишком пресными.

Дон Леонардо привносил в проповедь элемент актерства. Он выбирал случаи из жизни, почерпнутые из газет, и давал им моральную оценку, покаявая аудиторию продуманными интонациями, выверенными паузами, модуляциями красивого голоса. «Наверное, их так учили», — думала Валерия, с грустью вспоминая такое юное и печальное лицо молодого священника там, возле Дуомо. Теперешний дон Леонардо отрастил бороду, что прибавило ему солидности и некоторой живописности. Его громкий выразительный голос проникал во все уголки церкви, разговаривал ли он с доном Агостино, поднимался ли по лестнице, напевая или весело насвистывая. В заброшенной кладовке на первом этаже он расставил клетки с птицами, рассадил на подоконнике неслыханной красоты и хладостойкости цветы, ухаживал за тем и другим все свободное время.

Валерии казалось, что во всем этом есть что-то искусственное, фальшивое. Ей больше импонировал тихий и мудрый в своей простоте дон Агостино. Но и дон Агостино изменился. Перестал приходить «на чаек». В нем появилась странная раздражительность. Иногда — она замечала, — общаясь с собеседником, он вдруг замолкал на полуслове и уходил к себе. Что-то зрело между двумя прелатами, она ощущала какие-то подземные толчки. Ее поражало, что Кьяра как будто ничего не замечала и не чувствовала — продолжала восхищаться обоими священниками, приговаривая в разговорах с Валерией: «Tutti e due sono bravi» («Оба молодцы»).

Неделю назад Валерия позвала их обоих на свой день рождения. Приготовила воскресный обед, испекла любимый Оленкой ореховый пирог, купила красного вина «Rosso Conero». Пришли они ровно в час — шумный, экзальтированный дон Леонардо и молчаливый дон Агостино. Дон Агостино протянул Валерии книгу о Франциске Ассизском, Дон Леонардо — красочный альбом о комнатных растениях. Когда они ушли, Валерия нашла вложенную в альбом карточку, на которой были каллиграфически выведены число и подпись «смирный леонардо». Разговор в тот раз зашел в тупик. Дон Леонардо, услышав, что она читала теологические работы Честертона, воодушевился, начал задавать вопросы, между тем как дон Агостино молча и хмуро ел. Ей тогда стало ужасно неловко и стыдно перед доном Агостино, у которого, как она знала, было теолого-философское образование и который, однако, не проронил ни слова, явно не желая участвовать в их диспуте. Может, он обиделся на нее? В чем она провинилась перед ним? Этот вопрос терзал Валерию все последующие дни.

После обедни дети снова вынесли корзины с веточками оливы и продолжили праздничную торговлю перед церковью. На шесте рядом с ними висел плакат, оповещающий, что весь доход от продажи идет в пользу бедных. Валерия с Кьярой стояли неподалеку, Кьяра, как всегда громко, делилась своими впечатлениями. «Дон Агостино болеет — у него поднялось давление, поэтому проповедь сегодня такая короткая. А какая молодчина твоя рагаца! Весь катехизис наизусть знает!» Из церкви вышли нарядно одетые родители дона Леонардо, по праздникам они приезжали в гости к сыну. Кьяра помахала им рукой, и Валерии снова показалось, что Леонелла, мать Леонардо, взглянула на нее как-то особенно пристально.

Дон Агостино болел. К нему приходил врач, сказал, что нужен покой. Болезнь была особенно некстати в эти предпасхальные дни, когда священники ходят по домам, благословляя свою паству. Валерии очень хотелось навестить дона Агостино, но было неловко. В конце концов она собрала корзинку «гостинцев», написала записку и попросила Оленку отнести все это священнику. Оленка долго не возвращалась, а когда пришла, вся лучилась. Дон Агостино рас-

спрашивал ее о школе, об учителях и подружках, угостил вкусным ореховым струделем и велел поблагодарить маму за гостинцы. Но это еще не все, Оленка хитренько сощурилась и протянула Валерии открытку. На ней была известная в городе мадонна Кривелли, чье изображение висело в Дуомо, нежная, с опущенными долу очами. Как ни искала Валерия, никаких надписей на открытке не было.

За два дня до Пасхи к ним с Оленкой пожаловал дон Леонардо. В руках у него была большая синтетическая сумка, из которой выглядывали кочаны капусты, листья салата и другой зелени. Сумку он оставил на пороге, прошел в квартиру и очень торжественно благословил скудное, почти без мебели, жилище Валерии, состоящее из двух маленьких спален и кухни. Оленка следовала за ним по пятам, она только что закончила делать уроки. Помериджо переходил в вечер, наступали сумерки. Валерия зажгла свет на кухне, предложила дону Леонардо выпить чаю.

Валерия разогрела остатки обеда, и дон Леонардо с аппетитом съел рыбу с картошкой. Валерия подумала, что, наверное, ему не хватает той еды, что готовит Кьяра. При его могучем телосложении и молодости вряд ли он наедлся за обедом у донна Агостино.

Дон Леонардо как раз рассказывал, что ходит иногда в столовую для бедных, ест бесплатную похлебку. «Там вполне прилично кормят», – говорил он с улыбкой, и Валерии в этой улыбке снова мерещилось что-то неестественное, фальшивое. «Приходите лучше к нам, у нас с дочкой всегда есть обед», – проговорила она, и что-то дрогнуло у нее внутри. Со смертью мужа она не перестала готовить, но потеряла интерес к приготовлению пищи – Оленка ела плохо и мало. Совсем другое дело, когда готовишь для взрослого мужчины. Дон Леонардо никак не отозвался на ее реплику, только еще более повеселел. Со смехом стал рассказывать, что каждый день под дверью находит огромную сумку с зеленью – видимо, какая-то прихожанка предполагает в нем склонность к вегетарианству. «Регулярно сдаю эту зелень Кьяре, а сегодня решил поделиться с вами». Поднялся из-за стола и втащил сумку с зеленью на кухню.

Чай пили вдвоем – Оленка ушла смотреть телевизор. Глядя, с какой жадностью он ест варенье, Валерия думала, что, несмотря на свой священнический сан и густую бороду, в сущности, он еще ребенок, ребенок, оторванный от материнского тепла и ласки. Может быть, в пристальном взгляде его матери таилась просьба к ней, Валерии, поделиться с ее сыном домашним теплом?

На Пасху дон Агостино встал с постели и, еще слабый и бледный, вел службу. Читался текст Евангелия от Матфея, роль Спасителя взял на себя старый священник, Иудой был один из молодых прихожан. Люди, заполнившие церковь, замерев, словно в первый раз, слушали знакомую историю. Шла сцена «суда Пилата», и Валерия порадовалась, что за Христа выступает старый священник, так просто и естественно читал он текст. Дону Леонардо достались слова осуждения иудеев: «Кровь его на нас и на детях наших». Он произнес их так, что Валерии показалось, что церковь содрогнулась. Или это у нее самой закружилась голова? Пришлось схватиться за спинку соседней лавки. Была мысль: еще мгновение – и она потеряет сознание. Но обошлось.

Об ее еврействе знал только дон Агостино. Знал и хранил молчание, скажи он об этом хоть одному человеку, в ту же минуту узнали бы все. Валерия, как большинство русских евреев, не знала ни еврейского языка, ни религии, но еврейство сидело в ней крепко. В смутной детской памяти сидели дедушкины рассказы со всегда завершающей их фразой: «Израиль спасется!» Да, они жили в католической церкви, Оленка изучала вместе с итальянскими сверстниками катехизис, ну и что из этого? Валерия была уверена, что и Оленка ни за что на свете не откажется от своего еврейства, приносящего не только жизненные невзгоды, но и несказанную радость избранничества.

После праздничной пасхальной мессы народ долго не расходился. Кьяра вышла из церкви вся заплаканная. В ней боролись два чувства: умиление перед подвигом Христа и ярость к тем,

кто его казнил. Первое чувство сидело глубоко в душе, второе рвалось наружу. «Я бы своими руками придушила этих евреев, – как всегда громко делилась она с Валерией. – Еще говорят, что умные, где же их ум был – распяли Спасителя, а разбойника пощадили? Они и сейчас такие же – вон, говорят, пьют, как вампиры, христианскую кровь...». Валерия в испуге смотрела на Оленку. Та стала пунцово-красной и с искаженным лицом подскочила к Кьяре: «Баба Кьяра, что ты такое говоришь? Это все глупости. Мы с мамой еврейки – разве мы пьем чью-нибудь кровь?» Наступила тишина. Валерия взяла Оленку за руку, и под взглядами расступающейся толпы они проследовали к двери своего жилища.

Вечером Валерии позвонил дон Агостино, попросил спуститься к нему. Она посмотрела на Оленку, которая с независимым видом рисовала что-то, сидя за кухонным столом, вздохнула и открыла дверь. Дон Агостино полулежал в кресле, укутанный пледом; окна в его просторной гостиной были распахнуты – в них врываются снопы света и морской, напоенной зеленью свежести. Он говорил глухо, не поднимая глаз. Оказывается, весков уже давно предупредил дону Агостино, что присутствие в церкви молодой безмужней женщины нежелательно. Он, Агостино, все оттягивал этот разговор, но, по-видимому, переезд Валерии неизбежен. Он поговорит со своими знакомыми, чтобы условия найма не были слишком тяжелы и у Валерии осталась какая-то толика денег на жизнь. Валерия молчала. Больше всего ей хотелось поскорее выскочить из комнаты и, запершись в своей спальне, вволю поплакать. Прощаясь с Валерией, дон Агостино встал с кресла и проводил ее к выходу. Стоя у двери, Валерия бросилась к священнику: «Спасибо вам, спасибо за все», – она не могла говорить, голос срывался. Лицо Дона Агостино было близко-близко, в глазах его стояли слезы: «Я полюбил вас, тебя и твою дочку. Вы – как моя семья. Ты ведь тоже немножко любишь меня, правда?» Он смотрел вопрошающе, хотел еще что-то добавить, но осекся и замолчал. Валерия вышла.

Через неделю они с Оленкой переезжали. Квартира нашлась аж в другом городе, так что они, если не навсегда, то надолго прощались с церковью и ее обитателями. Дон Агостино снова заболел и глядел на них, махая рукой из окна. Кьяра хлопотливо помогала перетаскивать корзинки и тюки, а дон Леонардо подарил Валерии на прощанье огромный букет неслыханной красоты роз.

Декабрь 2000

Печальный демон

Этому мальчику идет Лермонтов. Ему идет и Леопарди, так как мальчик-итальянец. Но Леопарди нравится многим итальянцам, слишком многим. Паоло не хочет быть в их числе. Ему нравится Лермонтов. И вот он сидит у себя в комнате, перед ним томик стихов – на левой стороне по-русски, на правой – по-итальянски. Паоло читает сначала по-русски. Читая, он испытывает наслаждение не только от стихов, которые понимает с трудом, он наслаждается своим владением чужим языком. «Печальный демон – дух изгнания», – в который раз читает он, и ему не хочется смотреть направо, в итальянский перевод. Само звучание слов его завораживает. Как красиво это сказано – «печальный демон». Сказано с любовью к демону. Получается, что демона можно и пожалеть. Если подумать, в нем, Паоло, есть что-то от печального демона. Он гордый, независимый, чуждается людей. Это у него наследственное – от отца. Отец был совершенно клинический тип. Странно, что мать с ним не развелась. Это неизбежно бы случилось, если бы отец ни пропал без вести – не вернулся домой из очередного путешествия. Отец за свою жизнь не сумел опубликовать ни одной строчки. Бросил филологический факультет университета, занялся коммерцией. Коммерция не давалась – он злился, кричал на жену, топал ногами. Запирался у себя в комнате и что-то там писал. Не признанный гений? Нет, гением он не был. Паоло недавно снова вытащил толстую тетрадь, куда отец записывал свои странные рассказы, без начала и конца, начинающиеся как бы с середины. Это больше было похоже на бред или сновидение, чем на нормальный рассказ. Среди неоконченных отрывков нашел сцену в горах Кавказа, куда Власть и Сила привели Прометея, чтобы приковать к скале по велению Зевса. Отец склонен был к высоким сюжетам. Паоло совсем его не помнил. Судя по фотографиям, он походил на отца даже внешне.

– Паоло, – это мать его окликает. Он так зачитался, что и не слышал, когда она вернулась. Зовет его ужинать. Ужин вдвоем с матерью – их ежевечерний ритуал. Вот и Энки занял свое обычное место под столом. Будет как всегда ждать вкусной подачи. Ужасно не воспитанная собака, они с матерью его избаловали.

Джованна пришла возбужденная. На уроках ничего особенного не было. Но в перерыве эта русская опять завела разговор о Паоло. Какой смысл бесконечно трепать языком? Она и сама знает, что Паоло способный, что его место в университете. Но не может же она гнать его туда силой. Самое главное сейчас, чтобы он не сорвался, чтобы не махнул на себя рукой, чтобы в конце концов не наложил на себя руки, как отец. Он, Паоло, не знает про отца. Он был тогда совсем маленький трехлетний карапуз. Странно, в то время он был круглолицый, толстощекий, очень похожий на нее. Сейчас же худой и бледный – точная копия отца. Про отца она ему сказала, что тот отправился в путешествие и не вернулся. Ничего другого просто не пришло в голову. Маленькому Паоло очень понравилась версия путешествия, и он неоднократно возвращался к этой истории. Она, как правило, быстро обрывала рассказ – мол, извини: подробности не известны, а тема мне малопривлекательна. В последние годы Паоло об отце не спрашивал.

Русская ничего этого не знает, талдычит свое: «Не понимаю, как вы терпите, что ваш ребенок, такой способный к языкам и вообще...» У русской все итальянские фразы немножко дикие. Муж-итальянец и двадцать лет в стране не избавили ее от привычки говорить сбивчиво. «Такой вообще способный, а работает в табакерии, словно без образования. Вы же мать, заставьте его вернуться в университет и написать, наконец, эти проклятые тезисы или что там еще по истории философии или чему-то в этом роде!» Русская никак не может уразуметь, что дело не в Джованне, а в Паоло. Как можно заставить взрослого человека что-то сделать против его воли! Это еще счастье, что Франческо взял Паоло в табакерию! Сколько сейчас безработной молодежи! Целыми днями прохлаждаются в кафе, пьют, веселятся с девчонками на деньги

родителей. А сколько наркоманов! Паоло, слава Мадонне, работает. И Франческо нормально к нему относится, не обижает, не издевается, не доводит придирками.

Это счастье. А русская ничего этого не понимает и лезет с советами. Вот испортила ей, Джованне, настроение. Обычно после урока настроение у нее хорошее, приподнятое – она любит свою работу, и группы попались хорошие, ровные. В одной из групп занимается дочь русской – Нина. Хорошая девочка, миленькая. Но к английскому способности средние. Она, Джованна, ожидала большего. Все же девочка уже знает два языка – язык матери и язык отца. Да еще Паоло говорил, что русская на самом деле вовсе и не русская, а из какой-то кавказской республики, так что они с дочерью знают еще один язык – кавказский. При таком обилии изученных языков можно было бы предположить, что и английский пойдет у Нины легко, без напряжения. Ан нет, заело. Может, причина в том, что девочке уже за двадцать. В этом возрасте язык не усваивается естественно, почти автоматически. Уже идет в ход грамматика: выучить десять неправильных глаголов, какого предлога требует слово «depend»? Да, девочка миленькая, но способности к английскому близки к нулю. Может, ей мешает природная робость, чуть что – сразу заливается краской. Джованне кажется, что Нина боится ее, что теряется в ее присутствии. Уж не Паоло ли этому виной? Джованна не делится своими наблюдениями с русской. Тем более, что Паоло занимается в ее группе и, по ее словам, делает поразительные успехи.

Мать и сын ужинают в молчании, каждый думает о своем. Под столом поскуливает Энки – напоминает о себе, требует подачки. Хозяйева сегодня какие-то невнимательные. Только в конце ужина Энки перепало несколько «вонгол» из тарелки Паоло. Быстро проглотив облитых томатом вонгол с застрявшими в них макаронами, жуковато-черный, взлохмаченный Энки побежал к двери. Вечером с собакой обычно гулял Паоло.

На улице было темно и ветрено. Паоло поеживался в легкой куртке, Энки бежал впереди – лохматый и легкий, как нечистый дух. Два года назад Паоло увидел в сквере возле дома черный небольшой комочек. Комочек шевелился и скулил. Прохожие проходили мимо – кому охота взваливать на себя заботу о приبلудной беспородной и такой неприглядной собаке? Паоло взял нечесаного и грязного щенка на руки и принес домой. Это было как раз то время, когда Паоло, бросив университет, бесконечно бродил по городу.

Джованна обрадовалась щенку, хоть что-то отвлечет сына от черных мыслей, привяжет к дому. Имя для собаки Паоло нашел в шумеро-аккадской мифологии. Случайно наткнулся на книжку с шумерскими мифами в городской библиотеке. Одно из божеств у древних шумеров звалось Энки. Показалось забавным назвать таким странно звучащим экзотическим именем простую дворняжку. Со временем Паоло стало казаться, что имя приросло к щенку, что в него действительно вселилось древнее восточное божество. В черных хитроватых, с безуминкой, глазах собаки, в ее неровной, торчащей в разные стороны шерсти было что-то роднящее ее с таинственным восточным злым духом. Собака завернула за угол, Паоло посвистел. Умный Энки и без того понял, что следует остановиться. Они стояли напротив темного длинного дома. Окно третьего этажа с розовой занавеской светилось. Паоло посвистел еще раз. Через минуты две из дома вышла тоненькая, но сильно накутанная девушка. Если бы не ее чрезвычайная худоба, количество одежды могло бы сделать из нее клушу. Но нет, даже в двух кофтах и куртке на меху Нина не казалась толстушкой. Паоло с Ниной пошли рядом, Энки бежал впереди.

Пятничный вечер переходил в ночь. Улицы были слабо освещены, в небе равномерно загорался огонь маяка, расположенного возле еврейского кладбища, высоко над морем. Когда Паоло заговорил, ему показалось, что изо рта у него идет пар – воздух был резкий и обжигающе влажный.

– Что ты сегодня делала?

– Поехала в университет на лекцию по коммерции, но не выдержала и сбежала. – Она вздохнула. – Боюсь, коммерсанта из меня не выйдет, зря папа настаивает. Мне кажется, я ни к чему не способна. Вот мама преподает себе русский язык итальянцам, очень довольна, а

я, я толком и русский-то не знаю... Гораздо свободнее говорю по-итальянски, как сейчас с тобой. – Собака впереди остановилась в нерешительности. Перед нею была развилка, она ждала решения хозяина.

– Нина, пойдём на еврейское кладбище?

– Ни за что на свете! Я боюсь – уже темно.

– Тогда просто постоим над морем. Энки, вперед!

Они пошли по направлению к маяку. Дорога шла в гору. Паоло взял Нину за руку, помогая подниматься. Рука ее была теплой и влажной.

– Паоло, ты знаешь, почему тебя так назвали?

– В Италии сто тысяч Паоло.

– Я знаю, но подумала, что здесь неподалеку Римини и, может, твоя мама назвала тебя в честь того Паоло... который был влюблен во Франческу, – она почувствовала, что краснеет и была рада, что кругом темно.

– Может быть. Я тоже хотел тебя спросить про твое имя.

– Я точно не знаю. Мама говорила, что так звали одну грузинскую княжну, жену какого-то русского. Она рано осталась вдовой, но сохранила ему верность, хотя была красавица и ей делали предложения.

– Это похоже на историю Тамары. Ты читала «Демона»?

– Нет. Ты забываешь, я родилась в Италии, мои первые книжки были на итальянском. Я прочла не так много русских книг. Если можешь, расскажи мне про «Демона».

Нина выпалила все это единым духом. Ей было неловко, что она такая темная, не знает Лермонтова. Она немного побаивалась Паоло и втайне восхищалась им. Паоло был на середине рассказа, когда они подошли к маяку. Далеко внизу плескалось море. Лучи маяка временами вырывали лицо Паоло из темноты. Оно было таким бледным, таким страдающим. У Нины сжалось сердце.

– Ты так хорошо рассказываешь. Почему ты бросил университет, не стал защищать диплом?

– Знаешь, какую тему они мне подсунули? Средневековую английскую схоластику. Я бы предпочел Восток или Россию... Меня притягивает Россия... Кавказ... У меня это в генах. И срывающимся голосом он заговорил про отца.

Это было неожиданно для него самого. Еще минуту назад он и думать не думал рассказывать Нине о своем сокровенном, тайном. Он с удивлением вслушивался в свой голос – что это с ним? Зачем он рассказывает этой девочке то, что никому никогда не говорил? Внезапно его словно обожгло – он остановился. Прямо перед ним – нежное сочувствующее Нинино лицо. Далеко внизу, за еврейским кладбищем, – темное безликое море. Паоло пошатнулся, отпрянул от края. Чуткий Энки вовремя оказался рядом, потянул его за штанину – пора домой. Они начали спускаться вниз, к развилке. Паоло уже не держал Нину за руку – отчужденно шел рядом. Девушке оставалось только гадать, за что он на нее сердится. Весь оставшийся путь они молчали.

Дома Паоло быстро разделся и лег. Мать еще сидела у телевизора – завтра суббота, и она могла не торопиться. Паоло лежал, прислушивался к звукам из гостиной и старался поймать мысль, поразившую его возле маяка. Ах, да, ему тогда отчетливо представилась нонна Лючия, старая, уже умершая их соседка. Он вспомнил, как она на вопрос, где мама, ответила ему не задумываясь: «На похоронах». На каких похоронах была мать? Тогда, трехлетним мальцом, он не стал этого выяснять. Мало того, эта сцена полностью ушла из его памяти и сознания. Почему она выплыла теперь?

Паоло понял, что не заснет, если сейчас же не встанет и не задаст матери страшный вопрос. И вот он поднимается, приоткрывает дверь в гостиную: «Мама, ты не в курсе – отец был на Кавказе? В его записках я нашел сюжет прикованного Прометея...». Джованна в заме-

шательстве, чего вдруг Паоло возобновил свои детские расспросы? С усилием она произносит: «Возможно, был. Он любил путешествия». Оба страшно напряжены и ждут чего-то ужасного. «Он... он так никогда и не вернулся?» – продолжает Паоло. «Так и не вернулся», – отвечает мать. «И ты не видела его мертвым?». Паоло смотрит на мать не отрываясь. «Нет, не видела», – Джованна выдерживает его взгляд. Паоло поворачивается и идет к себе в комнату. Засыпает он мгновенно, и в предрассветном смутном сне ему видится печальный демон, пролетающий над горами Кавказа. Лицо демона поразительно напоминает его собственное, но он старше, гораздо старше.

Далеко внизу, в долине, по ступенькам, ведущим к реке, спускается Нина, а на снежной горной тропе чернеет шерстью и поблескивает хитрым глазом Энки.

*Декабрь 2000 г.
Солт-Лейк-Сити*

Идиомы

– Я тебя просила подготовить идиомы русского языка. Ты справился с заданием? – Надя говорила четко и медленно, чтобы итальянский юноша Франческо понял ее без затруднений. Вообще он хорошо понимал, даже когда она говорила быстро, так как много лет изучал русский язык в университете. Все же ее удивляло, как быстро он все схватывает – она бы предпочла иметь менее сметливого ученика. Дело в том, что в лингвистической школе в Италии она преподавала первый год, в России много лет назад училась на нефтехимику и очень боялась поначалу, что преподавание у нее не получится. Но, кажется, – получалось. Во всяком случае, Франческо, платящий за обучение большие деньги из кармана отца, регулярно посещал уроки и не жаловался на нее синьору Този, владельцу школы. Сейчас он сидел напротив нее за столом в расстегнутом модном черном полупальто, очень ему идущем, и говорил почти без акцента, глядя не на нее, а куда-то в пространство:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.